RURZAX

КОПАРЬ

3

Клад с дурной репутацией

18+

RURZAX

Клад с дурной репутацией

«Автор»
2026

RURZAX

Клад с дурной репутацией / RURZAX — «Автор», 2026

Говорят, у каждого клада своя история. Вот только некоторые истории заканчиваются слишком большим количеством покойников.Артём Горин рассчитывал спокойно заработать на поисках старого серебра возле придорожного кафе. Но случайная встреча с Олегом Сычёвым, известным среди копателей своей жадностью и жестокостью, превращает обычный заказ в начало опасного противостояния.Впереди — золото заброшенного карьера, семейный тайник на старой спортивной базе и Гиблый клад, за которым охотятся люди, давно забывшие о совести.А ещё в дело вмешивается Баба-яга. У неё украли сокровища, и старуха намерена вернуть своё. Желательно вместе с головами виновных.Горину предстоит драться, уходить от погонь, связываться с ведьмами, оборотнями и прочей нечистью. Дома его ждёт домовой с очередными претензиями, на работе — недовольный начальник, а рядом — Марина, которая прекрасно знает, во что превращаются безобидные увлечения Артёма.Четыре клада, опасные находки, деньги и противник, готовый убивать.

© RURZAX, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золото на обочине 5
Глава 2. Плата за чужую лопату 12
Глава 3. Серебро под корнями 18
Глава 4. Приход с пустыми руками 24
Глава 5. Дом на курьих ногах 31
Глава 6. Плохое имя у хороших денег 38
Глава 7. Песчаная ловушка 45
Глава 8. Встреча 51
Глава 9. Звон без колокола 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

RURZAX
Клад с дурной репутацией

Глава 1. Золото на обочине

Чужой грузовик вылетел из лесной колеи прямо перед моим капотом.

Я ударил по тормозу и вывернул руль к обочине. Машину дёрнуло. Пустая бутылка выскочила из дверного кармана и врезалась мне в колено. Справа мелькнули сосны, слева — ржавая морда грузовика. Мы разошлись так близко, что я разглядел на его двери свежую царапину.

— Отличное начало выходного, — сказал я.

Выходной мне только мерещился. Павел отпустил меня из мастерской раньше обычного. Правая кисть ещё плохо держала тяжёлый инструмент после речных приключений, и начальник предпочитал давать мне работу, при которой я мог испортить разве что настроение клиенту. Сегодня один клиент весь час объяснял мне, что виноват в поломке кто угодно, только не он. Павел выслушал нас обоих и отпустил меня, пока я не наговорил лишнего.

Грузовик затормозил поперёк дороги. Из кузова через неплотно закрытый задний борт вывалился холщовый мешок, стукнулся о край канавы и разошёлся по шву. По сухой земле прокатился маленький жёлтый кругляш.

Я выбрался наружу. Ветер гнал пыль по асфальту, пахло горячими тормозами и сосновой смолой. Водитель грузовика, худой мужик в клетчатой рубахе, уже лез за мешком. Руки у него заметно дрожали.

— Живой? — спросил я.

— Пока да.

— Тогда можешь поздравить себя. Следующий поворот, глядишь, возьмёшь с закрытыми глазами.

Мужик хотел что-то ответить, но из пассажирской двери вышел второй. Широкоплечий, коротко стриженный, с лицом человека, которому каждый встречный задолжал ещё до знакомства. Его я узнал сразу.

Олег Сычёв. Сыч.

Мы пересекались на слётах копателей и у скупщиков. Однажды я видел, как он продал новичку железную безделушку под видом редкой старинной вещи. Новичок успел обрадоваться только до первой оценки. Сыч считал, что дурака надо учить рублём. Обычно чужим.

— Горин, — сказал он, словно обнаружил возле дороги неприятно знакомую яму. — А я думал, ты после реки дома сидишь.

— Иногда выхожу посмотреть, как люди ездят. Сегодня почти получил экскурсию под колёса.

Сыч даже не глянул на мой бампер. Он смотрел на жёлтый кругляш, остановившийся возле моего ботинка.

Это оказалась монета. Тяжёлая, старая, с почти стёртым изображением на одной стороне. В пыли она сияла чересчур ярко для придорожной мелочи. Я наклонился, придерживая больную руку у живота, и поднял её двумя пальцами.

— Красивая, — сказал я. — Не подскажешь, откуда такая сдача?

Водитель побледнел. Сыч подошёл вплотную и протянул ладонь.

— Моя.

Я отдал монету. Проверять, кто быстрее ударит другого из-за вещи, которая мне не принадлежала, не хотелось. Сыч спрятал золото в карман, затем рванул водителя за рубаху.

— Грачёв, я тебе что говорил про борт?

— Закрыл я его. Зацепка сорвалась на колее.

Сыч ударил его открытой ладонью. Звук получился сухой, почти деловой. Грачёв пошатнулся и упёрся рукой в крыло.

— Защёлки на этой развалюхе хоть раз сам проверял? — спросил я.

Сыч повернул голову.

— Ты теперь за каждого водителя отвечаешь?

— За того, который чуть меня не убил, могу и спросить. Для разнообразия.

Он прищурился, оценил расстояние между нами и мою правую руку, которую я невольно держал ближе к себе. Похоже, решил, что связываться сейчас невыгодно. Вместо ответа швырнул мешок обратно в кузов и велел Грачёву садиться.

Я заметил, как в мешке под тканью перекатилось ещё что-то тяжёлое. Видеть содержимое мне не дали. Сыч захлопнул борт, обошёл грузовик и задержался возле моей машины.

— Ты куда едешь, Горин?

— Туда, где водители смотрят по сторонам.

— Загородная дорога длинная. Ещё встретимся.

— Главное, опять без поцелуев бамперами.

Он усмехнулся. Через минуту грузовик умчался к Кобрину, оставив на дороге две грязные полосы. Я осмотрел свою машину. Бампер уцелел, фара — тоже. Сердце ещё колотилось под рёбрами. Под правым передним колесом застряла сосновая ветка. Я вытащил её левой рукой и бросил в канаву.

Я всё ещё видел золотую монету возле своего ботинка. Сыч мог врать о цене, возрасте и происхождении своих находок. Но сейчас он испугался по-настоящему. Ради одной золотой монеты он едва не придушил собственного водителя. Значит, в мешке лежало нечто, что стоило дороже его обычных афер.

Я сел за руль. Через несколько километров должен был быть съезд к кафе «Поворот». Мне там обещали серебро, горячий обед и честный разговор. После встречи с Сычом все три пункта звучали особенно привлекательно.

Кафе стояло возле загородной трассы, между стоянкой для фур и полосой молодых сосен. Вывеска с красной стрелкой слегка покосилась, зато у входа пахло жареным луком и свежим хлебом. Два дальнобойщика спорили возле своих машин о том, кто кому перекрыл выезд. На скамейке женщина укачивала ребёнка, прикрыв его от ветра курткой. Обычное, живое место. После речного разлива я успел соскучиться по местам, где главная опасность — несвежий салат.

— Горин? — раздалось от двери. — Если пришёл есть, проходи. Если копать — сначала покажу, что именно ты собираешься мне испортить.

Вера Лапина оказалась невысокой крепкой женщиной с короткими тёмными волосами и голосом, который перекрывал работающую вытяжку. Мы договорились по телефону утром: знакомый из мастерской сказал, что возле её кафе ищут старое серебро. Я рассчитывал увидеть хозяйку, растерявшуюся перед кучей земли. Вера управляла стоянкой, поварами и двумя сердитыми псами за оградой. Растерянной она не выглядела.

Она проводила меня на кухню, указала на свободный стол и поставила тарелку с мясом и картошкой.

— Сначала ешь. Копатели у меня обычно голодные и сразу начинают обещать чудеса.

— Я обещаю ямы. Чудеса у нас по отдельному тарифу.

— За ямы тоже платить не люблю.

Она присела напротив. Пока я ел, Вера коротко рассказала историю участка. Раньше здесь стоял маленький дорожный буфет. Его арендатор, пожилой копатель по фамилии Кудряшов, однажды хвастался серебряными монетами из семейного тайника. Ещё тогда он спрятал

их возле большой сосны, которую посадил у дальней ограды. После смерти Кудряшова буфет сменил хозяев, а его рассказы остались местной байкой.

— Откуда знаешь, что монеты были настоящие? — спросил я.

— Видела. Он показывал их моему отцу. Я тогда за этим столом разливала чай и прекрасно помню серебро. Старик любил похвастаться, а потом ругал себя за болтливость. Спрятал обратно и сказал, что заберёт в трудный год.

— Трудный год прошёл мимо?

— Для него закончился раньше, чем он ожидал.

Вера замолчала. Я не стал развивать тему. У каждого человека своя мера чужих похорон. В её голосе и без дополнительных вопросов было достаточно.

— Родственники? — всё-таки уточнил я, когда она сама вернулась к разговору.

— Дальние. Здесь никто за кладом не приезжал. Оставшиеся вещи он ещё при жизни отдал моей семье. Сколько там серебра — понятия не имею. Может, старик половину продал, пока мы его не видели.

Это звучало правдоподобно. Кладоискателю вообще полезно заранее согласиться с возможностью пустой ямы. Иначе однажды начнёшь продавать автомобиль ради покупки новой лопаты.

— А почему вспомнила сейчас?

Вера показала в окно, за которым просматривалась дальняя часть участка.

— Три дня назад ветер свалил сосну. Вместе с корнями поднял полдвора. Я наняла людей поправить ограду, а они нашли старый круглый след в земле. Сосед сразу решил, что это от монет. Сам ничего не нашёл, зато успел рассказать всем, кому только можно.

— Серебряные монеты в рассказе уже превратились в золотые?

— Вчера один водитель спрашивал, правда ли мы откопали царскую казну. Сегодня утром другой предложил купить участок. Ты ещё можешь уехать, пока меня не начали осаждать наследники государя.

— Если царская казна, накормить обещала слишком скромно.

Она улыбнулась одним уголком рта и повела меня наружу.

За кафе тянулся широкий двор с низким складом, столиками под навесом и оградой, уходящей к сосновой полосе. Два пса встретили нас из вольера недовольным лаем. Один был рыжий, другой чёрный, с белой полосой на груди.

— Эти кого-нибудь ели? — спросил я.

— Пока только мои деньги. Рыжий любит курицу, чёрный — сапоги. Советую с ним не знакомиться близко.

Ветер свалил сосну на бок. Вывернутая корневая глыба стояла почти вертикально, будто кто-то поднял огромную грязную ладонь. Куски земли осыпались с сухих корней, за ними виднелась пустота. Рядом лежали доски и растянутая сетка ограды. Вера уже расчистила проход к дальним воротам, но ремонт явно ждал продолжения.

Я остановился, прежде чем наступить на свежую землю. Последний раз, когда я слишком уверенно подошёл к интересной яме, река едва не забрала меня вместе с находками. Здесь хотя бы не пахло водяным.

— Где сосед видел круглый след?

— Вон там, возле забора.

Она показала на участок с рыхлой землёй. Я присел, раздвинул комья левой рукой и увидел плоскую металлическую шайбу. Слишком новую, чтобы сойти за старую серебряную монету. Поднял её и протянул Вере.

— Поздравляю. Казна пополнилась одной железкой.

— Эту гадость рабочие уронили, — сказала она. — Я просила убрать.

— Значит, сосед видел именно то, что хотел. Бывает.

Я обошёл сосну по сухой стороне. Свежие ямы оставили люди, менявшие ограду. Рядом было старое углубление, едва различимое среди травы. Оно могло появиться от чего угодно: от выброшенного камня, пня, лисицы. Копательские легенды обычно начинаются с подобных следов и заканчиваются пустой коробкой из-под печенья.

Вера следила за мной, сложив руки на груди.

— Ты хотя бы скажи, есть смысл?

— Пока вижу сосну, ветер и чужие лопаты. Серебра никто не показывал.

— Показывали. Много лет назад.

— Тогда сперва придётся понять, где старик любил прятать вещи. Он же ходил сюда каждый день?

— Почти. Садился под деревом после вечерней смены. Отсюда и дорогу видно, и посетителей.

Я присел на поваленный ствол. До старой ограды было несколько шагов, до задней двери буфета — чуть дальше. Хорошее место для человека, который не доверяет банкам и любит наблюдать за собственной заначкой. Но большой корень мог с годами поднять грунт. Если закладка была близко к стволу, дерево теперь держало её в грязном кулаке.

Я выбрал место возле прежней дорожки и сделал пробную яму. Земля здесь поддавалась плохо. Работал в основном левой рукой; правая помогала придерживать черенок. Кисть напоминала о себе короткой, злой болью, когда лопата натыкалась на твёрдое. После нескольких попыток показался ржавый обруч от старого ведра. Под ним лежали мокрые щепки.

— Ну? — спросила Вера.

— Кто-то когда-то выкинул ведро. Если найдём ещё одно, откроем музей дорожного мусора.

Она взяла обруч, оглядел и швырнула к доскам.

— Мне таких экспонатов хватает за кафе. Дальше что?

Я присмотрелся к земле. Уходившая к ограде полоса была перемешана ремонтом. На ней можно было копать до самой ночи и не понять, что здесь лежало прежде. Под вывороченным корнем сохранялся плотный старый слой, но лезть туда сейчас означало рисковать: дерево могло осесть, а вокруг ещё бегали работники и посетители.

— Сегодня закроем первую яму. Завтра посмотрим с другой стороны дерева. Ты пока никого сюда не пускай.

— А посетителей куда девать? В небо?

— Достаточно не водить к сосне каждого, кто спросит о серебре.

— Поздно. Уже спрашивали.

Она смотрела за моё плечо. Я обернулся.

За оградой на лесной дороге стоял серый фургон. Из него вышел мужчина в тёмной куртке, оглядел выворотень и медленно направился к воротам. Второй остался возле машины. Я не узнал их, но походка первого напомнила любителей чужих находок: человек смотрел прежде всего под ноги, на следы и свежие ямы.

— Открыто? — крикнул он.

— Кафе с другой стороны, — ответила Вера. — Здесь входа нет.

— Мы на минуту. Олег просил передать привет.

Я почувствовал, как настроение портится быстрее погоды.

— Олег какой? — спросил я.

— Сычёв. Может, слышал?

— Только сегодня утром, — сказал я. — Чуть не услышал в последний раз.

Мужчина приблизился к ограде и посмотрел на лопату в моей руке. Он был крепкий, с тяжёлой челюстью и потёртой кожаной курткой. Судя по взгляду, привык, что дверь перед ним открывают после второго удара.

— Горин, значит. Сыч сказал, ты к этому кафе свернул. Любишь чужое серебро?

— Чужие заборы тоже любишь? — вмешалась Вера. — Тогда начинай с ремонта. Этот как раз сломан.

Он ухмыльнулся.

— Хозяйка, мы по-хорошему. Если найдёте что-то стоящее, Олег купит. Сами сдать не сможете — на дороге много охотников.

— У меня кафе. Покупатели туда заходят через дверь и сначала здороваются, — ответила Вера.

Мужчина засунул пальцы в ячейку сетки. Чёрный пёс за её спиной завыл так, что он невольно отдёрнул руку. Рыжий присоединился, подпрыгивая у калитки вольера.

— Угомони зверьё, — поморщился незнакомец.

— Они раньше тебя поняли правила посещения, — сказала Вера.

Я опустил лопату, чтобы не выглядеть человеком, собирающимся вступить в драку за ржавый обруч. В драке я не сомневался, если этот товарищ решит перелезть через ограду. За сеткой маячили двое. Мне хватило бы одного удара по правой кисти, чтобы выронить лопату; Вере вдобавок надо было держать чужих громил подальше от своих работников. Победа над нахалом могла обойтись слишком дорого.

— Передай Сычу, что я ничего не нашёл, — сказал я. — Захочет посмотреть на железо — оставлю ему ведро.

Мужчина усмехнулся и пошёл к фургону. У двери он обернулся.

— Завтра тоже приедем. Не обижайся, если без приглашения.

— Завтра обед с двенадцати, — крикнула Вера. — За хамство наценка двойная!

Фургон задним ходом выбрался на лесную дорогу. Псы ещё долго лаяли вслед. Я посмотрел на Веру. Она стояла прямо, но пальцы крепко сжимали край фартука.

— Раньше они сюда приезжали? — спросил я.

— Один раз. Сыч предлагал купить землю за смешные деньги. Сказал, мне хватит на спокойную жизнь. Я ответила, что у него представление о спокойной жизни слишком короткое.

— Он тогда уже про клад слышал?

— О серебре весь район знает. Доказательств никто не видел. Ему, похоже, хватает слухов.

Я вспомнил золотую монету на обочине. Сыч уже держал в руках чужое золото и всё равно не мог успокоиться. Теперь ему понадобилось ещё и серебро Веры. Неудивительно, что денег некоторым людям хватает только до следующего чужого кошелька.

— Условия надо обсудить сейчас, — сказал я. — Если серебро найдётся, оно остаётся тебе. Я получаю тридцать процентов после продажи. Если не найдётся — ты мне ничего не должна.

— Тридцать? — Вера подняла брови. — С лопатой у тебя рука больная, а с процентами здоровая.

— Сыч согласится копать бесплатно. Правда, участок после него придётся собирать по частям.

Она посмотрела на вывернутую сосну и на примятую сетку, потом протянула ладонь.

— Договорились. Но решать, кому продавать, будем вместе. И псов не трогай.

Мы пожали руки. Её ладонь оказалась крепче моей правой, поэтому я поспешил высвободить пальцы. Вера заметила и ничего не сказала. За это я был ей благодарен.

В кафе к вечеру народу прибавилось. Один водитель требовал добавку картошки, другой ругался на слишком крепкий чай. Вера бегала между кухней и стойкой, отвечала быстро и без лишней нежности. Я помог ей оттащить от прохода пустую лавку, затем вернулся к сосне, пока было светло.

С дальней стороны выворотня нашёлся сухой карман земли. Из него торчал тонкий корешок, согнутый под тяжестью старого грунта. Рядом лежал плоский камень, наполовину ушедший в песок. Неясно, оказался ли он здесь вместе с корнями или пролежал на месте много лет. Я хотел поддеть край, но дерево слегка скрипнуло и сбросило на плечо ком сырой земли.

— Только без похорон на моей территории! — донеслось от двери.

Я поднял голову. Вера стояла с мусорным ведром и смотрела на меня.

— Вот и работодатель, — сказал я. — Заботится о безопасности сотрудников.

— О посетителях забочусь. Они сюда ужинать приезжают, а не глядеть на твою задницу из-под сосны.

Я отошёл. Камень оставил на месте. Возле ствола можно было работать лишь спокойно и при свете; торопливый копатель рисковал получить дерево на ноги. Мне хватало повреждённой кисти и прежних приключений с речным железом.

Перед отъездом я засыпал пробную яму, убрал лопату за навес и проверил, чтобы сетка на дальнем проходе держалась. Вера вынесла контейнер с едой и сунула мне в руки.

— Завтра утром приезжай. Разберёмся с твоим камнем.

— С чего он вдруг мой?

— Ты первый начал на него смотреть с таким видом. Значит, отвечаешь.

Я хотел возразить, но жареная картошка пахла убедительнее любых доводов. К кафе подъехала машина. Вера окликнула работников и велела поставить свежий чайник. Земля под сосной могла подождать до утра. Её бизнес — нет.

На обратном пути я внимательно смотрел на съезды к лесу. Ни серого фургона, ни Сыча не встретил. На развилке заметил свежие широкие колеи, уходившие в сторону Берёзового бора. Чей грузовик их оставил, я не знал. В том лесу мне пока делать было нечего. Я запомнил поворот и поехал дальше.

Кобрин встретил меня вечерней суетой. У светофора велосипедист отчаянно спорил с водителем автобуса, за его окнами двое подростков показывали друг другу что-то на телефонах. В магазине возле моего дома продавщица упрямо пересчитывала сдачу. Я стоял в очереди с хлебом и вдруг понял, как давно не занимался обычными пустяками. На кассе у меня спросили пакет. Я ответил не сразу: всё ещё видел перед глазами серый фургон Сыча.

Семён появился на кухне, когда я выложил на стол контейнер от Веры.

— Снова земля, — произнёс домовой, глядя на мои брюки. — Ты где её берёшь столько? У тебя дома своя шахта?

— Работаю над расширением бизнеса.

— Обещал же принести деньги.

— Серебро пока лежит в земле.

— Там ему и спокойнее.

Он подтолкнул к раковине мою грязную кружку и исчез. В этот раз ссориться с домовым я не стал. По большому счёту Семён был прав: три часа под сосной, пустая яма, ржавое ведро и чужие угрозы. Отличный результат для человека, который хотел поправить бюджет.

Я поел, попытался разогнуть затёкшие пальцы и вышел на балкон. Внизу шуршали шины. В соседнем окне светился телевизор. Я думал о Вере, оставшейся одна с кафе и сломанной оградой. Сычу хватило бы пары сильных людей, чтобы превратить её двор в свалку. Он уже предупредил, что приедет.

Телефон зазвонил ближе к полуночи.

— Артём, — сказала Вера без приветствия. — Ты далеко?

Я сразу выпрямился.

— Дома. Что случилось?

На другом конце что-то треснуло. Послышался собачий лай и грубый мужской крик.

— Кто-то ломает заднюю ограду, — сказала она. — Псы во дворе, дверь кафе я закрыла. На территории чужая машина.

— Я выезжаю.

— Не надо сейчас гонять по ночной трассе. Здесь люди, у меня работники. Внутрь никто не вошёл. Утром приезжай пораньше.

Снова раздался треск дерева. Мужчина выругался, потом залаяли оба пса. Судя по голосу Веры, она стояла возле окна и видела больше, чем мне хотелось представлять.

— Ты уверена? — спросил я.

— Уверена в том, что завтра у нас будет много работы. И скажи своему Сычу, что забор он купит новый. Если, конечно, доживёт до расчёта.

Связь оборвалась.

Я остался с телефоном в руке. На столе стоял пустой контейнер, в кармане лежали ключи, а пальцы правой руки едва сгибались. За один день я увидел чужое золото, не нашёл своего серебра и приобрёл врага, который успел заняться чужим забором.

В квартире хлопнула дверца шкафа. Семён, должно быть, слышал разговор.

— Завтра грязи принесёшь больше, — мрачно предсказал он.

Я выглянул на улицу. Под фонарём мокла пустая дорога. Сегодня по ней ушёл Сыч, а ночью его люди добрались до Вериного забора. Если они вернутся, Вера не станет прятаться за дверью.

Телефон положил у кровати, ключи — рядом. Если Вера позвонит, поеду сразу. Семён за дверью проворчал, что нормальные люди приносят домой рыбу, а я коллекционирую чужие угрозы. Я уже лёг, когда вспомнил про пустую жестянку под сосной. За серебром придётся возвращаться, и в следующий раз возле ограды меня могут ждать раньше Веры.

Глава 2. Плата за чужую лопату

Вывеску кафе я заметил ещё с трассы. Вчера красная стрелка указывала на поворот к стоянке. Сегодня она лежала в канаве, а над воротами торчали два обломанных крепления.

Я свернул и заглушил двигатель рядом с фургоном поставщика. Во дворе под ногами хрустело стекло. Кто-то сорвал сетку, выворотил две доски и оставил на бетоне следы грязных сапог. Оборванный край сетки волочился по бетону. У дальней калитки валялись обломки кирпича и пластиковая табличка «Посторонним вход запрещён». Последнюю кто-то заботливо разломал пополам. На веранду нанесли песка, а у вывороченной сосны чернели две свежие ямы.

Из кафе вышла Вера с ведром в руке. Она была в том же фартуке, что вчера, только на левом рукаве виднелось тёмное пятно.

— Кровь? — спросил я, выбираясь из машины.

— Вишнёвое варенье. Дорожные герои разбили банку. Остальное сами сожрали бы, если бы я вовремя дверь не закрыла.

— Никого не задели?

— Повариху довели до слёз. Мне вывеску сломали. Псы всю ночь лаяли. Выбирай, чьё преступление страшнее.

Я посмотрел на её лицо. Под глазами залегли тени, но голос оставался твёрдым. Она кивнула на задний двор.

— Там они тебе наследство оставили. Полюбуйся. Только сначала оттащи эту железяку от проезда, пока водитель с хлебом на неё не налетел.

Мы вдвоём перетащили кусок вывески к стене склада. Правая кисть соскальзывала с края, поэтому я подхватывал вывеску левой. Вера заметила, молча сместилась на мою сторону и взяла большую часть веса. Когда мы закончили, из кухни донёсся требовательный голос поварихи: кто-то опять заказал завтрак сразу на четверых.

— Иду! — крикнула Вера. — Видишь, Горин, бизнес процветает. Особенно расходы.

У входа в кафе я столкнулся с мужчиной в светлой куртке. Он держал бумажный пакет с пирожками и с опаской посматривал на разорванную ограду.

— У вас тут ночью что было? — спросил он у Веры. — Мои ребята на стоянке слышали грохот. Думали, фуры зацепились.

— Любители бесплатных услуг приехали, — ответила она. — Пирожки взяли, забор оставили в разобранном виде. А вы чай не пролейте, горячий.

— В следующий раз к соседям встанем. Мало ли.

Он ушёл к машине. Вера ещё несколько секунд смотрела ему вслед. Вчера она смеялась над будущими наследниками царской казны. Сейчас на её лице впервые появилась настоящая злость.

— Вот это хуже досок, — сказала она. — Человек уедет, другому расскажет. Через неделю решат, что у меня каждый вечер кто-то друг другу головы проламывает.

— Поговорим с Сычом, — ответил я.

— Ты с ним уже на дороге поговорил. Результат вон лежит у ворот.

Мне нечего было возразить. Она работала здесь каждый день, платила людям зарплату, знала постоянных посетителей по именам. За вчерашнее знакомство с Сычом я получил испуг на полдороги и дурное настроение. Ей достались бессонная ночь и риск потерять клиентов.

— Я найду место, где Кудряшов оставил серебро, — сказал я. — А ты решишь, когда и кому позволить тут копать. Пока мы вдвоём, чужим хватит пустых ям.

Вера пристально посмотрела на меня.

— Давай без обещаний, за которые потом мне платить. Работай. А забор я сама сегодня подниму, как смогу.

На террасе кто-то позвал хозяйку. Она расправила фартук, мгновенно вернула деловое выражение лица и ушла встречать гостей. Я успел заметить, что возле сломанного крепления она задержалась всего на миг. Через минуту Вера спорила с водителем о цене обеда, а рыжий пёс караулил миску у крыльца.

Я пошёл к сосне один. Вчерашнюю пробную яму я засыпал, оставив сверху комок мха. Мох валялся в стороне. На его месте торчал свежий бугор. Кто-то старательно копал там, где я нашёл ржавый обруч от ведра, и бросил землю кучей у ограды. Другой раскоп начинался возле столба, который работники Веры меняли после ветра. Древний серебряный клад этим людям, видимо, представлялся запасом мелочи под каждой доской.

В яме у столба я увидел кусок гнилого дерева и блестящую металлическую пластину. Вытащил её из песка. Кусок крепления с новой ограды. Никакого серебра. У забора валялись ещё две такие пластины. Значит, ночные гости ориентировались по недавнему ремонту и следам чужих лопат.

Я выдохнул. Может, хоть главную часть корней не успели тронуть.

Сверху у выворотня земля выглядела целой, хотя возле ствола остались отпечатки ботинок. Кто-то лазил туда, но быстро отступил: громадная сосна лежала под углом, а корни держали тяжёлую глыбу сырого грунта. Вера вчера обещала закопать меня здесь, если на посетителей упадёт дерево. Теперь я оценил её предусмотрительность.

— Ну как? — раздалось за спиной.

Она подошла с большой кружкой чая. Вторую держала для себя.

— Копали в свежем ремонте, — сказал я. — То, что осталось от старой земли, пока цело.

— Значит, дуракам повезло. Хотя бы у них хватило ума не лезть под дерево.

Вера протянула мне кружку. Чай обжёг язык, зато рукам стало теплее. Из кафе пахло выпечкой; со стороны трассы непрерывно шёл гул автомобилей. В такой обстановке трудно было поверить, что ради пары десятков монет сюда прислали людей ломать ограду.

— Ночью их видела? — спросил я.

— Одного. У фонаря возле ворот стоял здоровый, в кожаной куртке. Тот самый, который вчера обещал вернуться. Остальные держались за фургоном. Я из окна слышала, как он ругался: искали возле столба, потом решили, что им указали неправильное место.

— А ты что сделала?

— Сказала, где находится выход. Они не послушали. Тогда я включила весь свет, позвала работников и выпустила рыжего во двор. Псы были на цепях, до ограды не доставали. Здоровый оказался сообразительным: отступил сразу, когда понял, что орать станут все, кто оказался во дворе.

Из кухни её снова позвали. Она поставила кружку на доску и махнула рукой.

— Ищи. Через полчаса у меня две машины на стоянке разгружаться будут. Не хочу, чтобы они приехали и увидели ещё одну могилу у забора.

Я опустился возле прежней дорожки, ведущей к сосне. Ровная полоса песка тянулась от задней двери старого буфета. По рассказу Веры, Кудряшов любил сидеть под деревом и смотреть на дорогу. За годы ствол вырос, участок неоднократно переделывали. Старое место могло сместиться в моей голове куда угодно. Зато дерево всё ещё указывало, где была земля до падения.

Я попробовал отступить от корней на пару шагов и копнул там, где сохранилась плотная, не тронутая ремонтом площадка. Лопата сперва ударилась о гальку, потом во что-то железное. Я уже приготовился звать Веру, но вместо этого отложил черенок и разгрёб землю и достал ржавую крышку. Под ней обнаружилась жестянка, набитая гайками и короткими болтами.

— Привет от местного музея, — пробормотал я.

Вера вышла как раз вовремя, чтобы увидеть находку.

— Денежки? — спросила она.

Я высыпал три гайки на ладонь.

— Есть выбор номиналов. Могу предложить шестигранный рубль и пару особо редких шайб.

Она хмыкнула, взяла одну гайку и повертела между пальцами.

— Кудряшов всю жизнь что-нибудь чинил. У него подобных коробок было больше, чем у меня кружек.

— Это важное уточнение. В следующий раз предупреждай: наследство может оказаться мастерской без крыши.

— В следующий раз ты ещё сюда приедешь, если мы вообще до него доживём.

С другой стороны ограды хлопнула дверца автомобиля. Я поднял голову.

Серый фургон стоял на лесной дороге почти на том же месте, что вчера. Возле него топтался худой парень в рабочем жилете. Второй мужчина, широкий в плечах и знакомый по кожаной куртке, шагал прямо к пролому в сетке. За собой они тащили низкую двухколёсную тележку с лопатами и мешками.

— Красиво, — сказала Вера. — Сервисная служба по разрушению моего имущества прибыла на повторный вызов.

Она пошла к калитке. Я положил жестянку на землю и догнал её.

— Давай сперва поговорим.

— Ты поговоришь. Я выставлю счёт.

Мужчина остановился у сломанного столба и с явным удовольствием оглядел свои ночные достижения.

— Доброе утро, хозяйка. А мы предупреждали.

— Предупреждали, что заплатите за вывеску? — спросила Вера. — Я записала.

Он рассмеялся и посмотрел на меня.

— Горин. Снова копаешь. Сыч велел передать условия: половина того, что поднимешь. И чтобы без хитростей.

— От имени кого условия? — спросил я. — У тебя земля, кажется, только под ботинками.

— От имени человека, которому лучше уступить.

— Передай человеку, что за сегодняшний день у него уже набежала неплохая сумма за ремонт.

Здоровяк сделал шаг ближе. Теперь я разглядел шрам над его левой бровью и свежие царапины на шее. По всей видимости, ночью он слишком близко полез к рваной сетке. Рядом остановился худой с тележкой.

— Меня Шестаков зовут, — сообщил здоровяк. — Запомни. Потом не говори, что не представились.

— Артём, — сказал я. — За знакомство половину клада не плачу.

— Платишь, когда тебе объясняют.

Шестаков ткнул меня пальцем в грудь. Я отступил на шаг, чтобы не оказаться зажатым между ним и оградой. Правая рука отзывалась болью даже на попытку сжать кулак. Левой я мог ударить, но перспектива драться возле кафе с двумя мужиками мне нравилась примерно так же, как вчерашний грузовик.

Вера уже шла вдоль ограды к вольеру. Она не спрашивала у меня разрешения.

— Уходите с моей земли, — сказала она громко. — Сейчас.

— Женщина, займись завтраками, — отмахнулся Шестаков. — Мужики решают дела.

Вера остановилась. На секунду я даже пожалел его.

— Мои псы тоже умеют решать дела, — сказала она. — У них после ночи настроение дрянное.

Шестаков бросил взгляд к вольеру. Псы уже лаяли, встав передними лапами на ограждение. Худой отступил на полшага.

— Ты собаками угрожать будешь? — спросил Шестаков, хотя голос у него стал заметно тише.

Вера открыла внутреннюю калитку, выходившую в пустой огороженный двор. Рыжий выскочил первым, чёрный следом. Посетители и работники оставались за закрытыми дверями кафе. Псы рванули к пролому, вздымая пыль. Шестаков успел подпрыгнуть на месте и ухватился за обломанный столб. Худой заверещал, бросил ручку тележки и побежал к фургону.

— Назад! — крикнула Вера собакам.

Рыжий остановился у её ног, чёрный ещё дважды гавкнул на Шестакова, но тоже повернул. Шестаков повис на сетке одной рукой. Второй замахнулся лопатой, которую успел выдернуть из тележки.

— Убери зверей, сука!

От его голоса у меня в голове щёлкнуло. Я сделал шаг вперёд и схватил черенок выше его кисти левой рукой. Шестаков дёрнул лопату на себя. Мы оказались слишком близко, чтобы он успел замахнуться ещё раз. Я ударил его плечом в грудь. Спина здоровяка глухо стукнула по столбу.

Он оказался крепче, чем выглядел. Рывком развернулся и толкнул меня локтем. В правой кисти прострелило болью, когда я попытался удержаться за сетку. Пришлось отпустить её и уйти в сторону. Шестаков шагнул следом, замахнулся свободной рукой. Кулак просвистел мимо моего уха.

Я подставил ему ногу. Получилось коряво, зато он наступил на рассыпанную землю и потерял равновесие. Лопата выскользнула из пальцев, стукнулась о борт тележки. Здоровяк устоял, развернулся с перекошенным лицом и снова пошёл на меня.

Вера резко свистнула. Псы сорвались с места и остановились в нескольких шагах от него, оскалив зубы. Шестаков замер. Я видел, как он выбирает между дракой со мной и мыслью о больничной койке. Вторая победила.

— Последний раз прошу, — сказала Вера. — Через ворота. На дорогу. Живо.

Он медленно двинулся к пролому, не спуская глаз с рыжего. Тот рычал так выразительно, что даже у меня возникло желание заплатить ему за охрану. Худой выглянул из-за фургона и крикнул:

— Шестаков, поехали уже!

— Сам поедешь! — огрызнулся Шестаков. — Тут надо закончить.

Я не собирался давать ему закончить. Тележка стояла поперёк прохода, её ручка упиралась в обломанную ограду. Пока Шестаков смотрел на собак, я взялся за край и толкнул её в глубокую колею у лесной дороги. Колесо соскочило вниз. Тележка накренилась, мешки и лопаты посыпались прямо под ноги здоровяку. Он отскочил, поскользнулся на мокром песке и с размаху сел в канаву.

— Своё имущество заберите, — сказал я. — Вера чужие вещи хранить за бесплатно не нанималась.

Шестаков поднялся, весь в грязи. На секунду мне показалось, что сейчас он снова полезет драться, плевать ему на собак и разбитую коленку. Но он посмотрел на фургон. Худой уже завёл двигатель и нервно сигналил.

— Сыч узнает, — процедил Шестаков.

— Давно пора ему узнать, как выглядит честный счёт за сломанную вывеску, — сказала Вера.

Шестаков схватил одну лопату, бросил поверх мешков. Второй лопатой он пытался поддеть тележку, но мокрая земля скользила под ботинками. Наконец махнул рукой и пошёл к

фургону. Худой выскочил, помог поднять тележку, и оба убрались. Фургон сдал назад по колее, оставив в ней грязный след. Псы проводили его лаем, довольные собственной работой.

Я опёрся о столб и перевёл дыхание. Правая рука горела. На предплечье набухала ссадина; куртка порвалась возле локтя. Вера закрыла калитку и отвела собак обратно в вольер. Только после этого подошла ко мне.

— Живой?

— Пока да. Шестаков теперь знаком с особенностями придорожного сервиса.

— Ты зачем тележку толкнул? Она могла на тебя свалиться.

— Хотел прекратить обмен любезностями.

— Следующий раз прекращай, пока у тебя обе ноги целые. Из-за тебя мне на участке ещё одного хромого не надо.

Она сказала это жёстко, но принесла из кафе чистое полотенце и воду. Я стёр грязь с лица. Из кухни выглянула повариха, увидела разрытую землю и тихо выругалась. Вера тут же отправила её обратно к обедам.

— Сыч теперь просто так не отцепится, — сказал я.

— Он и до тебя не отцеплялся. Я здесь много лет торгую. Такие приезжают, хватают чужое, потом удивляются, что их гонят. Теперь хотя бы знаю фамилию самого наглого.

— Шестаков.

— Запомнила. Напишу на счёте, если кто спросит.

Пока Вера успокаивала повариху и отвечала на звонки, я сходил к стоянке за оставленной у машины бутылкой воды. У раскрытых ворот стояли двое дальнобойщиков. Один похвалил собак, другой спросил, отчего мы затеяли соревнование по рытью канав. Я ответил, что здесь совершенно бесплатно показывают, как человек теряет совесть и заодно обувь в грязи. Мужчины посмеялись, но один всё-таки сказал Вере, что больше не станет оставлять машину у дальнего забора.

Утренний визит Шестакова уже обходился ей деньгами. Я купил обед за полную цену, хотя Вера хотела накормить меня за счёт кухни. Она надулась, узнав об этом, и велела больше не спорить с кассиршей: та и так заработала мигрень на чужих ругательствах.

Я подошёл к вывороченной сосне. После схватки руки дрожали, а искать серебро хотелось ещё сильнее. Каждый день, когда Сыч видел нас с лопатой, приближал новую драку. Лучше бы найти тайник раньше, чем он решит приехать уже с троими здоровяками.

Пока мы защищали двор, солнце поднялось выше. Оно высветило сухую кромку под корнями, где вчера я заметил плоский камень. Теперь он выступал отчётливее. Я присел у ствола: камень лежал здесь задолго до ремонта. Он был вдавлен в плотный слой земли, и вокруг не виднелось свежих следов. Когда сосна упала, камень сдвинулся вместе с корнями, но удержался возле них.

Я хотел потянуться к краю, и в этот момент за спиной хрустнула доска.

— Оставь! — крикнула Вера.

Сосна чуть качнулась, с глыбы посыпалась земля. Мне хватило ума сразу отступить. Камень остался на месте. Пальцы сами сжались в пустой кулак.

— Не хватало тебе ещё придавиться, — буркнула Вера. — Тогда Сыч сможет рассказывать, что серебро само тебя наказало.

За стволом обнаружился булыжник, прижатый корнями. Сверху на нём рос мох, но один край оставался сухим после ночного дождя. Я попробовал смахнуть землю пальцами, и старое дерево отозвалось скрипом. Вера схватила меня за ворот куртки. — Сначала выйди из-под сосны, потом изображай археолога. — Ей хватило одного взгляда на тяжёлые корни. Я отступил; под камнем на миг блеснул ровный железный край.

— Кудряшов часто здесь копал? — спросил я.

— Грядки делал, траву сажал, забор чинил. А почему?

— Мог прятать здесь что угодно. Хочу понять, почему камень остался под корнями, когда всё вокруг ушло вместе с деревом.

Вера присела рядом. Она долго смотрела на камень, потом протянула руку и осторожно стряхнула грязь с его верхнего края. Под ладонью обнаружилась старая неглубокая вмятина, похожая на след от тяжёлого металлического предмета. Я коснулся её пальцем.

— Ровная, — сказал я. — Не вчерашняя.

Вера нахмурилась. Я заметил, как меняется её лицо. Она вспомнила что-то, что прежде считала мелочью.

— Кудряшов всё время говорил, чтобы к этому камню никто не подходил, — произнесла она наконец. — Я думала, старик боялся, что дети его уронят. Даже когда у нас за кафе играли ребятишки, он обходил его широкой дугой.

— Сам обходил?

— И других отгонял. Один раз отец хотел убрать этот камень с дороги, а Кудряшов чуть не подрался с ним. Сказал, пусть лежит. Он тогда уже с палкой ходил, а шум поднял на весь двор.

Я присел перед камнем. Вчера здесь лежала мёртвая сосна и случайная куча земли. Под камнем могло лежать то, ради чего старик когда-то поссорился с другом.

— До вечера больше не копаем, — сказал я. — Дерево снова качнулось, и земля сыплется у корней. Завтра приеду с утра, пока люди Сыча заняты тем, что подсчитывают наши лопаты.

— А Шестаков вернётся ночью?

— Может. Тогда пусть снова попробует найти серебро под новым столбом. Там теперь большая коллекция гаек.

Вера не улыбнулась. Она смотрела на камень с такой сосредоточенностью, будто перед ней лежала тяжёлая часть собственного прошлого.

— Я сама закрою этот проход, — сказала она. — И сегодня ночью буду в кафе. Работники останутся со мной. Псы тоже.

Я кивнул. К середине дня солнце выбралось из-за сосен, и короткие тени лежали у калитки. После Сыча остались пустые ямы, сломанная вывеска и две грязные лопаты. А под корнями оставался камень, к которому ещё предстояло подобраться.

Мимо кафе прошла фура; за поворотом загремели колёса. Вера осталась с работниками и собаками, а я отвёз лопату к машине. На обломанной калитке качалась старая цепь. Хозяйка уже искала новую. По дороге домой я всё поглядывал на телефон. Ночное затишье после разгрома ограды ничего хорошего не обещало.

Глава 3. Серебро под корнями

— Убери руку от камня, — сказала Вера. — Сначала посмотри наверх.

Я поднял голову. Из перевёрнутой корневой глыбы торчал толстый обломок, а над ним висела тяжёлая часть ствола. Вчера сосна качнулась от одного моего неловкого движения. Сегодня она стояла так же криво и, казалось, ждала, когда кто-нибудь полезет под её ствол.

— Я ещё даже не начал, — возмутился я.

— Вот и хорошо. Продолжай в таком духе хотя бы минуту.

Было раннее утро. У кафе «Поворот» уже остановились две фуры, но до заднего двора ещё не доходили ни запах жареного лука, ни ругань водителей. Вера пришла сюда раньше меня. На ней были старые рабочие брюки и куртка, которую не жалко испачкать. Рыжий пёс сидел за сеткой вольера и следил за нами так, будто мы собрались выкопать его личные сбережения.

После вчерашней драки правая кисть сжималась через раз. Под сосной я не мог рассчитывать на правую руку, если земля вдруг поползёт. Куртку пришлось застёгивать левой рукой, а на место у сосны я приехал раньше назначенного. Семён молча сунул мне перчатку с широким запястьем. Срок, по его словам, давно истёк, зато претензии к качеству остались.

Вера кивнула в сторону ворот.

— Сыч приехал к соседу ещё затемно. Поставил машину возле его гаража и принялся орать. Требует объяснить, кто первым пустил слух о серебре.

— Сосед хоть жив?

— Жив. Уже дважды звонил мне и жаловался, что у него с утра концерт. Я предложила продать билеты. Сычу не понравилось.

— Значит, его люди могут приехать сюда, пока хозяин выступает у соседнего забора.

— Могут. Поэтому копаем сейчас. А если окажется пусто, я лично закопаю этот камень обратно, чтобы больше никто не рассказывал о сокровищах возле моих туалетов.

Я обошёл выворотень слева. Камень, который мы вчера заметили, торчал на нижнем краю корневого кома. Вмятина на его верхней стороне походила на отпечаток прямоугольной вещи. Так и тянуло сунуть в неё пальцы. В особенности потому, что руки у меня было две и одна пока не особенно слушалась.

— Под дерево не полезем, — сказал я. — Вижу свободный край с этой стороны. Если землю там не трогали, старик мог добраться до тайника без всяких подвигов.

— У Кудряшова, между прочим, были подвиги, — отозвалась Вера. — Однажды он полез за забором за чужой курицей и свалился в крапиву. Потом полгода рассказывал, как отбился от разбойников.

— Тогда я чувствую с ним духовное родство.

Мы обошли сосну с внешней стороны. Земля здесь высохла сверху, а глубже оставалась плотной и тёмной. Под длинным корнем тянулась узкая полость. Вчера из-за травы я её пропустил. Сегодня увидел край старой глины, будто кто-то замазал вход рукой, пока дерево ещё стояло. Вокруг росли тонкие корешки, а за ними белела сухая щепка.

Я присел поудобнее. Левой рукой расчистил землю возле щепки. Она оказалась частью прогнившей досочки, лежавшей боком. За ней проступило что-то гладкое и тусклое. На секунду меня накрыло знакомое чувство, ради которого люди часами ходят по лесу с лопатой: ещё немного — и у тебя появится ответ на вопрос, который давно не даёт покоя.

— Видишь? — тихо спросила Вера.

— Вижу. Только не сглазь.

— Я тебе лучше помогу.

Вера осталась у ствола, следила за вывороченными корнями и держала псов подальше от раскопа. Я добрался до тёмного угла жестянки. Земля вдруг дрогнула, сверху посыпалась

мокрая хвоя. — Назад! — крикнула Вера. Мы оба отскочили, и в прежнюю ямку шлёпнулся тяжёлый ком. Рыжий пёс залаял так возмущённо, будто с него пытались взять плату за представление.

Под камнем оказался небольшой карман, заполненный сухой землёй. Я достал ещё одну прогнившую щепку, и на ладонь легла полоска тёмной ткани. Она рассыпалась почти сразу. За тканью проступил жестяной угол.

Я замер.

— Вера, кажется, твой старик был человеком с воображением.

— И с деньгами?

— Сейчас узнаем.

Жестянка сидела тесно. Я не стал тянуть её через корни силой. Разгреб землю по краям и слегка повернул жестянку. Глина отпустила её с влажным хрустом. В правом запястье неприятно кольнуло, и я передал последний рывок левой руке. Коробка выскользнула наружу так неожиданно, что я едва не уронил её на камень.

Металл был рыжим от ржавчины, по краю шла чёрная полоса. Когда-то на крышке красовалась яркая надпись. Теперь от неё остались два неразборчивых завитка. Коробка весила ощутимо больше, чем моя вчерашняя находка с гайками.

— Ну? — прошептала Вера.

— Теперь точно знаю, зачем Кудряшов прятал её от детей. Не хотел, чтобы они съели содержимое.

Она стукнула меня кулаком по здоровому плечу.

— Открывай, артист.

Я поддел крышку там, где металл уже отстал сам. Внутри лежала другая ткань, потемневшая, но ещё крепкая. Я развернул край — и на солнце блеснуло серебро.

Первую монету я поднял двумя пальцами. На одной стороне виднелся профиль с почти стёртым носом, на другой — узор и буквы, которые я не сумел сразу прочесть. Тяжёлая, настоящая. Рядом плотно лежали другие кружки, кое-где слипшиеся от старой грязи. Под ними обнаружилась позолоченная застёжка с изогнутым язычком. На застёжке темнели царапины; обычная позолота без всяких таинственных отметок. Серебро оказалось тяжёлым, холодным и вполне земным — таким, за которое Фёдор действительно заплатит, если судьба снова не решит пошутить.

Вера вдруг присела рядом на корточки и долго молчала. Я видел, как её губы шевелятся, но слова не выходят.

— Всё нормально? — спросил я.

— Отец говорил, Кудряшов выдумывает. А я помнила, как он раскладывал монеты на столе. Одна упала в стакан с чаем, мы потом её полдня искали. Старик кричал, что серебро не любит горячего.

Она засмеялась коротко и неожиданно вытерла ладонью глаза.

— Нашли всё-таки, — сказала она. — Дожил бы он до такого утра, сам бы полез под корни.

— И получил бы от тебя по шее.

— Обязательно. Ты тоже получишь, если сейчас начнёшь их тереть об штаны.

Я положил монету обратно. Мы забрали жестянку подальше от дерева, на низкую лавку возле склада. Вера принесла чистое полотенце, я осторожно разложил содержимое. Она сама пересчитала монеты, перекладывая их по одной на сухую доску.

— Двадцать восемь, — сказала она.

— Двадцать восемь, — подтвердил я. — И одна застёжка. Похоже, сегодня твой повар может позволить себе добавлять в котлеты мясо.

— Он и так добавляет. Иногда даже признаётся, откуда берёт.

Она подняла застёжку. Узор был простой, без камней. Покрытие местами облезло, зато металл сохранился. Вера повертела вещь, затем положила к монетам.

— Это Кудряшов тоже показывал отцу. Называл семейным счастьем. Старухи у него не было, детей тоже. Я тогда спросила, зачем семейная вещь холостому, а он сказал, что счастье лучше держать про запас.

— Разумный человек. Мне бы его предусмотрительность.

Вера пристально поглядела на меня.

— Твоя доля остаётся такой, как договорились. Тридцать процентов от продажи. Но прежде чем кому-то показывать клад, убери его с глаз.

Я уже хотел завернуть коробку, когда со стороны кафе послышался протяжный гудок. За ним — сердитый голос и короткий металлический удар. Рыжий пёс поднялся, чёрный принялся лаять. Вера поставила застёжку на доску и выпрямилась.

— Поставщики приехали? — спросил я.

— Они сегодня разгружаются у главного входа. Этот гудит возле дальней калитки.

Из-за склада показался молодой работник кафе. Бледный, в испачканном мукой фартуке.

— Вера Ивановна, там двое опять с фургоном. Один обещает ворота снести. Я сказал, что у нас занято, а он меня за ворот схватил.

Я встретился с Верой взглядом. Найти клад мы успели. Сохранить его ещё предстояло.

— Возьми жестянку, — сказал я. — В кухню. Подальше от окна.

— Сам уноси, — отрезала она. — Ты им и нужен. Я из своего двора никуда бегать не стану.

Она говорила уверенно, но смотрела на коробку так, словно в жестяных стенках уже слышался чужой голос. Я накрыл её полотенцем и поставил на нижнюю полку большого пустого хлебного лотка. Вера взяла лоток, позвала работника и приказала занести его через заднюю дверь. Тот ничего не спросил. Его уже достаточно познакомили с характером гостей.

Старый пустой рюкзак я ещё утром оставил у Веры возле склада. После вчерашней драки у меня возникло неприятное ощущение, что чужие руки потянутся именно к первой вещи, похожей на добычу. Я забрал рюкзак от двери и бросил на лавку, где ещё лежала грязная ткань от жестянки.

— Это что? — спросила Вера.

— Маленькая надежда на человеческую глупость.

— Тогда бери два. На Шестакова одного не хватит.

Из-за угла вывернул здоровяк в кожаной куртке. Над левой бровью белел знакомый шрам. За ним шёл худой водитель вчерашнего фургона. На этот раз без тележки. Зато у худого в руке была короткая железная палка, и он явно гордился покупкой.

— Вот вы где, — сказал Шестаков. — А мы уже думали, сбежали с нашим серебром.

— Ваше серебро? — Вера шагнула ему навстречу. — Ты у меня теперь и землю купил?

— Про покупки хозяин с вами поговорит. А пока отдайте коробку.

Я почувствовал, как по спине пробежал холод. Значит, они видели, что мы что-то достали. Может, наблюдали из-за дороги, пока мы считали монеты. Может, от дворика до ограды было ближе, чем я предполагал. Во всяком случае, на пустые ямы они больше не рассчитывали.

— Какая коробка? — спросил я.

Шестаков указал на рюкзак.

— Та, которую ты туда спрятал.

— Ты следи за словами. Там мой обед.

Худой засмеялся и шагнул к лавке. Я перегородил ему дорогу. Сзади Вера коротко приказала работнику закрыть дверь склада. Послышался стук засова. Псы лаяли из вольера, но

в этот раз она не спешила выпускать их: в проходе стояли люди и были открыты ворота на стоянку.

— Отойди, Горин, — сказал Шестаков. — Вчера ты уже хорошо пошутил с тележкой. Сегодня смеяться некому.

— Я ещё даже не начал. А ты уже принёс собственную палку для аплодисментов.

Он ударил первым — в левое плечо. Меня развернуло к стене склада. Боль оглушила на миг. Я упёрся ногой в землю, увернулся от второго удара и врезал ему левой в подбородок. Шестаков рыкнул, но устоял. Его голова дёрнулась, кровь выступила на губе.

Худой бросился к рюкзаку. Я попытался перехватить его свободной рукой, однако правая кисть отозвалась резкой болью. Пальцы разжались. Худой ударил железкой по скамье, разнёс доску и схватил лямку. Рюкзак оказался у него.

— Давай сюда! — заорал Шестаков.

Вместо этого парень прижал добычу к груди и отступил к воротам. Я увидел, как на его лице мелькнула торжествующая улыбка. Похоже, он уже делил будущие деньги. Плечо отозвалось болью, но радость грабителя продлилась недолго.

Здоровяк снова пошёл вперёд. Мы столкнулись возле старой бочки для дождевой воды. Он схватил меня за ворот куртки, потянул к себе. Я не стал бороться за рукав, который всё равно давно просился на свалку. Ударил коленом в бедро, вывернулся, толкнул его плечом. Бочка опрокинулась, остатки воды хлынули под сапоги. Шестаков поскользнулся и с силой приложился боком о край бревна.

— Ах ты гад! — выдохнул он.

— Отношения с водой у меня сложные, — сказал я. — Она иногда за меня заступается.

Шестаков рывком поднялся и двинул меня в челюсть. Удар прошёл вскользь, но во рту появился металлический вкус. Я отступил. За моей спиной была стена, сбоку — бревно, впереди — здоровяк весом с добрый холодильник. Я никогда не любил ситуации, когда ассортимент выходов ограничен двумя синяками.

— Хватит! — раздался голос Веры.

Она стояла у двери кафе с тяжёлой деревянной доской в руках. За ней показались двое водителей с парковки и повариха. У поварихи был такой вид, будто она собиралась использовать против гостей целую кастрюлю горячего супа. Вера ударила доской по дверной раме. Грохот перекрыл даже собачий лай.

— Убирайтесь. Здесь люди работают. А вы, господа, запомните этих двоих. Они вчера ломали забор, сегодня пришли с железом.

Шестаков метнул взгляд на свидетелей. В одиночку он мог избить меня. При троих посторонних, которые уже смотрели на его кулаки и окровавленное лицо, продолжать было гораздо менее удобно.

— Воры! — крикнул худой возле ворот. — Они клад украли! Сыч сказал, что это его земля!

Вера засмеялась зло и коротко.

— Пусть Сыч попробует заплатить мне за землю. Хотя бы за сломанную табличку для начала.

Худой дёрнул молнию рюкзака. Внутри не оказалось ни золота, ни серебра. Он перевернул сумку, вытряхнул сухую траву и клочок старой ткани. Потом нащупал нижний карман, рванул его так сильно, что выдрал дно вместе со швом. На мокрую землю упали две пустые обёртки от бутербродов.

— Пусто! — завопил он.

— Ещё немного покопай, — посоветовал я. — Может, найдёшь смысл своей работы.

Шестаков повернулся к нему, и я впервые увидел на лице здоровяка настоящую ярость. Она предназначалась уже товарищу.

— Ты куда смотрел, идиот?

— Он тут лежал! Я видел!

— Значит, иди к хозяину и расскажи, как ты украл обед.

Худой швырнул рюкзак на землю. Шестаков схватил его за плечо и потащил к фургону. На ходу обернулся:

— Сыч тебя достанет, Горин. От серебра ты далеко не уедешь.

— Вы вчера то же самое говорили, — ответила Вера. — А уехали только с тележкой.

Худой на секунду вернулся, поднял порванный рюкзак и швырнул его в кузов. Видимо, собирался предъявить Сычу вещественное доказательство собственного позора. Фургон рванул по колее, подпрыгнул на выбоине и исчез за поворотом.

Я дождался, пока за ним уляжется пыль, и прислонился к стене. Челюсть саднила, левая рука с трудом поднималась. Правое запястье тоже напоминало о себе, хотя я изо всех сил старался не нагружать его в драке. Когда подошла Вера, я попытался улыбнуться. Получилось так себе.

— С лица тебя теперь покупатели будут узнавать, — сказала она.

— Скажи, что это новая услуга кафе. Десерт с видом на побитого копателя.

— Для тебя десерт один: вода, чистое полотенце и сидеть спокойно, пока я не разрешу встать.

Она отвела меня на кухню. Повариха молча поставила передо мной чай и бутерброд. Потом посмотрела на синяк у моего плеча.

— В следующий раз, — сказала она, — я им кастрюлю на голову надену. Большую.

— Заранее предупреди, — попросил я. — Хочу посмотреть со стороны.

Вера достала жестянку из хлебного лотка. Коробка была цела, полотенце сухое. Работник, который её заносил, нервно засмеялся, увидев, что в ней лежит. До этого он даже не заглянул под крышку. Вера сунула ему деньги на новую рубашку взамен порванной Шестаковым и отпустила на перерыв.

— Теперь давай решать, что с этим делать, — сказала она.

— К Фёдору. Сегодня, пока они ещё не придумали третью попытку.

— А он нормальный?

Я вспомнил белоснежную улыбку Ершова и некоторые особенности его аппетита.

— Вежливый. На фоне Шестакова — почти образец нравственности.

— Далеко?

— В Кобрине. Лавка называется «Вторая полка». Он знает монеты и умеет отличать обычное серебро от головной боли.

Мы ещё раз пересчитали находку: двадцать восемь серебряных монет, одна позолоченная застёжка. Я сразу переложил их обратно и закрыл крышку. После драки не хотелось обнаружить, что половина богатства случайно уехала под стол или отправилась в мусор вместе с грязной тканью.

Вера оставила кафе на старшую смены и предупредила, что вернётся до ужина. Рыжий пёс лёг у двери вольера, положив морду на лапы. Чёрный смотрел на нас внимательнее, будто уже составлял счёт за охрану.

— Получишь, — сказала ему Вера, проходя мимо. — Только курицей. Монеты тебе нельзя, желудок испортишь.

Я сел за руль осторожно. Левое плечо отзывалось болью при каждом повороте, приходилось двигаться медленнее. Вера устроилась рядом с жестянкой в сумке у ног. Похоже, после сегодняшнего утра она собиралась лично отвечать за каждый грамм серебра.

На трассе поток машин шёл плотный, зато фургон Шестакова нигде не попадался. Я не стал говорить об этом вслух. Вера смотрела в окно, где мелькали сосны и заправки. В какой-то момент она спросила:

— А Кудряшов мог знать, что из-за его денег когда-нибудь будут бить людей?

— Вряд ли. Он, наверное, рассчитывал откопать их сам, когда понадобятся.

— И всё равно спрятал так, что мы два дня ползали вокруг дерева.

— У него вышло. Даже Сычу со всей командой не досталось.

Вера провела пальцем по потёртому краю сумки.

— Мне серебро теперь дороже стало. Жалко, старик не увидел, как его люди за забором ругались. Он бы от смеха чай разлил.

— Главное, чтобы Фёдор оценил монеты без лишнего смеха. У него чувство юмора напрямую связано с ценой.

Мы миновали указатель на Кобрин. Я набрал Фёдора, когда остановился на стоянке возле придорожного магазина. Он ответил после второго гудка.

— Горин? — произнёс он. — Только скажи, что сегодня без воды. Я после вашей речной эпопеи до сих пор половину магазина сушу.

— Сегодня сушить нечего. Есть серебро, двадцать восемь монет и застёжка. Хотим показать.

— Настоящие?

— Надеюсь. Человеку, который пытался их у нас отнять, они точно показались настоящими.

— Привози. До закрытия успеешь?

— Если не встретится ещё один поклонник моего ремесла.

Фёдор вздохнул.

— Тогда завтра утром, до посетителей, спокойно посмотрим. Коробку оставишь у меня запечатанной. При тебе положу в отдельное место. Сегодня ты слишком голосисто дышишь, Горин. Кто тебя опять приложил?

— Старый друг по лопате.

— У тебя друзей на редкость много. Главное, не привози их всей компанией.

Мы договорились, что он примет жестянку вечером и оценит содержимое на следующий день в присутствии Веры. Денег Фёдор ещё не выдал. Пока в руках у нас была жестянка с серебром, за которую утром уже пришлось подраться.

Вера слушала разговор молча. Когда я закончил, она наконец усмехнулась.

— Твой антиквар разговаривает так, будто все на свете ему должны.

— Почти. Но за серебро он обычно платит.

К вечеру мы добрались до «Второй полки». Я достал из машины жестянку левой рукой. Вера пошла рядом и придерживала сумку снизу, не доверяя моей хватке. Колокольчик над дверью звякнул. За прилавком поднялся Фёдор и посмотрел сначала на коробку, потом на моё разбитое лицо.

— Серебро, говоришь? — спросил он.

— Двадцать восемь штук. Застёжка в комплекте. Драка за наш счёт.

Фёдор указал на свободное место за прилавком.

— Оставляйте. Завтра разберёмся, сколько стоят находки и зачем за ними приходят с кулаками.

Вера положила ладонь на крышку.

— Завтра при мне, — сказала она. — Я хозяйка.

— При вас, — спокойно согласился Фёдор.

Фёдор запер жестянку на наших глазах. Вера вышла из магазина спокойнее, чем вошла: за чужую оценку её серебро пока никто не продал. У дверей она задержалась, увидела Шестакова на другой стороне улицы и взяла меня под локоть. Тот потёр разбитую губу и демонстративно отвернулся. По его взгляду было ясно: стычка для него не закончилась.

Глава 4. Приход с пустыми руками

Фёдор позвонил, едва я снял с вешалки куртку. Он говорил резко: возле магазина кто-то уже испортил ему утро. Я прижал телефон к уху и принялся одеваться одной рукой.

— Горин, — сказал антиквар без приветствия, — твои поклонники крутятся возле моей лавки с восьми утра. Один заглядывал в окно, другой изображал заинтересованного покупателя напротив. Где ты таких находишь?

— В основном они сами находят меня. Сегодня за серебром придём к десяти, как договаривались.

— Приходите к половине десятого. Хочу закончить раньше, чем снаружи соберётся целый фан-клуб с лопатами.

— С лопатами они вчера уехали. Сегодня, наверное, явятся с букетом.

— Если принесут цветы, оставлю на пороге. Счёт за разбитую вазу всё равно выставлю тебе.

Он отключился. В комнате пахло свежим хлебом. Семён стоял возле стола, держа ломтик колбасы между пальцами, и смотрел на меня как на постоянного нарушителя внутреннего распорядка.

— Опять к торговцу мертвечиной? — спросил домовой.

— За деньгами.

— Деньги хорошие. Только почему ты каждый раз за ними идёшь с новой травмой?

— За доставку беру слишком дёшево.

Семён склонил голову и протянул мне чистое полотенце. На плече после вчерашней драки расплылся синяк. Пальцы правой руки с трудом сомкнулись на рукаве. Я умел открывать двери, водить машину и делать некоторые полезные вещи. С попыткой дать кому-нибудь в морду правой рукой пока выходило заметно хуже.

— Вернёшься к обеду? — спросил Семён.

— Собираюсь в мастерскую. Павел уже второй раз намекает, что мои руки пора использовать на работе.

— Одну используй, вторую побереги. Вон стол третий месяц без ножки стоит. Может, тебе для начала заняться домашним ремонтом?

— Стол стоит на четырёх.

— Теперь да. Я подставил книжку.

Книга оказалась старым справочником по автомобильным неисправностям. Семён выбрал самое практическое применение моему образованию.

У «Второй полки» стоял тёмный фургон. Я узнал помятое переднее крыло и почувствовал, как портится настроение. Возле машины курил худой Грачёв — тот самый водитель, которому Сыч в первый день отвесил пощёчину на дороге, а потом поручил охотиться за нашим серебром. Грачёв заметил меня, быстро опустил взгляд и бросил окурок под каблук.

— С утра на службе? — спросил я, выходя из машины.

— Здесь парковка общая.

— И зарплата у вас общая? За вчерашний рюкзак премию выписали?

Он поморщился. Видимо, имя пустого рюкзака в компании Сыча уже превратилось в ругательство.

— Я с тобой сейчас не разговариваю, Горин.

— Очень удобно. Попробуй так же с начальником.

Вера подошла от соседней остановки. Она переночевала у знакомой в Кобрине, чтобы не мотаться дважды по трассе, и теперь несла пакет с булочками. На щеке у неё темнела царапина,

оставшаяся после вчерашней возни возле склада. Увидев Грачёва, она остановилась и крепче взяла пакет за ручки.

— А этот ещё на свободе ходит? — спросила она.

— У человека тяжёлые трудовые обязанности, — объяснил я. — Копать там, где ничего нет, и воровать пустые сумки.

Грачёв ушёл к фургону. Вера проводила его взглядом, затем развернулась к двери магазина.

— Я сегодня деньги получу? — спросила она.

— Если Фёдор не передумал, то да.

— Хорошо. У меня новая вывеска сама себя не купит. И забор никто бесплатно не поставит.

За дверью звякнул колокольчик. Фёдор встречал нас в тёмном жилете и чистой рубашке. После вчерашней драки он выглядел так, словно принимал почётных гостей. На прилавке стояла наша жестянка. Рядом он приготовил полотенце для монет: вчера жестянку оставили у него на хранение закрытой. Фёдор подвинул к нам два стула.

— Садитесь. Хозяйка на месте, копатель тоже. Для полного счастья осталось избавиться от уличной публики.

Вера сама сняла крышку. Её пальцы немного дрожали, но когда монеты посыпались на ткань, она расправила плечи. Двадцать восемь серебряных кругляшей легли неровной кучкой. Рядом блеснула позолоченная застёжка. После нескольких дней грязи, чужих кулаков и споров за землю эта маленькая кучка выглядела удивительно мирно.

— Считайте при нас, — сказала Вера.

Фёдор пересчитал монеты дважды. При втором подсчёте я следил за его пальцами, хотя давно знал: он мог обмануть меня за цену одной пуговицы, если бы захотел, и всё равно не стал бы портить ради этого торговлю. Застёжку он положил отдельно.

— Серебро обычное, — сказал он. — Находка крепкая. Золочение на застёжке местами сошло, но сама работа достойная.

— А проклятие? — спросила Вера.

— За проклятиями к Марине. Я покупаю вещи. Эта кучка ничего не пытается мне сообщить, никого не кусает и с прилавка не убегает. Уже приятно.

— После вчерашнего мне бы хватило, чтобы она сама до кассы дошла, — сказал я.

Фёдор чуть приподнял бровь.

— У тебя, Горин, даже деньги требуют сопровождения. Я посмотрел, что за монеты, и готов забрать весь набор за сто сорок тысяч рублей.

Вера выдохнула. Я старательно сохранил спокойное лицо. Сорок две тысячи моей доли внезапно стали такими же осязаемыми, как синяк под курткой. За эти деньги Вера наконец сможет расплатиться за сломанный забор.

— Все двадцать восемь и застёжку? — уточнила Вера.

— Всё, что сейчас на столе. По отдельности искать покупателя можно долго. Предложение действует на весь набор.

Фёдор придержал застёжку двумя пальцами.

— В цену входят сохранность серебра, узор и состояние застёжки, — объяснил он. — По отдельности вы будете искать покупателей месяцами.

— Значит, синяки в стоимость не входят? — спросил я.

— В счёт за разбитую витрину они тоже не войдут, — отрезал антиквар.

Вера посмотрела на серебро. Я не торопил её. Она сама могла приказать закрыть ворота. Пока она молчала, я не трогал коробку. Несколько секунд она вертела застёжку, на которой уцелел крошечный узор из листьев.

— Кудряшов эту вещь прятал, — сказала она. — Мне жалко, что он не успел забрать своё.

— Можете оставить застёжку себе, — ответил Фёдор. — Тогда сумму пересмотрим. Вам решать.

— Нет. У меня в кафе крыша после дождя течёт. От его памяти крыша крепче не станет.

Она положила застёжку к монетам и посмотрела на меня.

— Тридцать процентов, как договорились. Сорок две тысячи твои.

— Я помню, — сказал я. — У меня память на деньги хорошая. На собственные неприятности хуже, иначе давно сменил бы занятие.

Фёдор достал приготовленные деньги и отсчитал Вере сто сорок тысяч. Вера стояла рядом, не отводя взгляда от купюр. Потом она отделила сорок две тысячи и передала мне. Купюры оказались обычными: никто не шептал, не требовал назвать истинного владельца и не пытался схватить меня за горло. Приятно, когда доход соответствует объявленной сумме.

— Сразу убери, — сказала Вера.

Я спрятал деньги во внутренний карман куртки. Фёдор переложил монеты в свой ящик, застёжку завернул в ткань. Теперь набор принадлежал ему, а у нас остались рубли, усталость и история, которую я предпочёл бы не повторять.

Вера поднялась.

— Мне нужно позвонить в кафе. С утра сменщица одна, у неё на кухне очередь. Можно отсюда?

— Служебной связью не располагаю, — сказал Фёдор. — Ваш телефон работает, а вон там угол потише.

Она отошла к витрине. Я потянулся за булочкой из её пакета, и в этот момент входная дверь распахнулась так сильно, что колокольчик ударился о стекло.

Грачёв шагнул внутрь. В руках он держал прозрачный пакет, а за плечом маячил Шестаков с распухшей губой и синяком на скуле. При виде меня здоровяк ощерился. Вид у него был обиженный: вчерашняя драка оставила свои следы и на противнике.

— Раз уж весь коллектив собрался, — сказал я, — может, сразу проведёте собрание по убыткам?

— Закрой рот, — ответил Шестаков.

Грачёв подошёл к прилавку, вытащил из пакета золотую монету и положил перед Фёдором. В углублениях чеканки ещё держалась тёмная земля. На ребре я заметил три короткие косые царапины, будто кто-то попробовал подцепить монету когтями.

— Покупай, — сказал Грачёв.

Фёдор посмотрел на него, затем на монету.

— Доброе утро. В моём магазине принято здороваться.

— Здравствуй. Покупай. Хозяин сказал, ты берёшь старые деньги.

— Покупаю то, что хочу покупать. Эту вещь возьмите обратно.

Грачёв не двигался. Я знал этот взгляд: человек получил приказ, который ему не нравится, и пока не придумал, как объяснить начальнику неудачу.

— Что не так с золотом? — спросил я.

Фёдор ответил не сразу. Он осторожно повернул монету на ткани, стараясь не касаться грязного края.

— Я видел похожую много лет назад, — произнёс он. — Так же повреждён ободок. Мне её тогда принёс копатель. Заявил, что нашёл возле Берёзового бора. Через неделю исчез. Позднее сюда приходили ещё люди, спрашивали про такой же кругляш. Двое из них тоже плохо кончили.

— Сказки, — бросил Шестаков.

— Возможно. За сказки я тоже не плачу. А за эту монету тем более.

— Покупай, — повторил Грачёв, уже громче. — Сыч велел. Нам за неё полагаются хорошие деньги.

— Пусть ваш Сыч сам откроет лавку, — ответил Фёдор. — Там и устанавливает цены.

Шестаков вошёл окончательно. Колокольчик звякнул ещё раз, жалобно, словно просил отпустить его домой.

— Вы тут серебро Горина скупаете, а наше золото брать не хотите? — сказал здоровяк. — Значит, вместе работаете? Один землю роет, второй прячет товар?

Вера закончила разговор и вышла из-за витрины.

— Наше серебро куплено с моей земли. Тебя кто сюда звал?

— А вас, хозяйка, я вообще не спрашивал.

— Зато вчера ты к моему забору подходил. Новая доска стоит две тысячи. Могу озвучить остальные расходы.

Он отмахнулся, задев стопку небольших коробок. Две упали на пол, крышки распахнулись. Фёдор молча нагнулся, поднял одну и поставил на прилавок.

— Подобные движения стоят денег, — сказал он.

— Да подавись ты своими коробками!

Шестаков ударил ладонью по витрине. Стекло треснуло в углу, где лежали бронзовые пряжки. Вера резко отступила и столкнулась со стойкой, на которой висели старые рамки. Я успел подхватить её левой рукой за локоть. Правое запястье отозвалось тупой болью. Пришлось разжать пальцы, пока я ещё чего-нибудь не сломал.

— Ты совсем сдурел? — спросил я Шестакова.

— Убирайся с дороги, Горин. Сейчас с хозяином разговаривают.

— Он тебе уже ответил. Тебе лучше выйти.

Здоровяк двинулся на меня. По плечам я угадал замах и отступил к пустому стулу. Шестаков попытался зацепить меня за ворот, но схватил только ткань. Я толкнул стул ногой. Он налетел коленом на сиденье, выругался и покачнулся. В следующую секунду меня ударило в плечо, словно кто-то распахнул тяжёлую дверь. Воздух вышибло из груди. Старая боль вспыхнула, и на миг у меня потемнело в глазах.

Грачёв схватил золотую монету и попятился. Он явно не собирался участвовать в драке. Вера встала между ним и дверью.

— Вернёшь мне деньги за забор, — сказала она, — тогда пойдёшь куда захочешь.

— Женщина, я водитель!

— Замечательно. Значит, знаешь, куда ехать за строительными материалами.

Шестаков снова бросился ко мне. Мы врезались в узкий проход между стеллажами. С полки посыпались старые ложки. Одна ударила меня по затылку, другая покатилась к кассе. Я ухватил здоровяка за куртку левой рукой, толкнул от себя, но он устоял и вскинул кулак.

Удар не дошёл. Фёдор выскочил из-за прилавка, перехватил запястье Шестакова и выкрутил руку. Здоровяк вскрикнул и пошатнулся, едва не опрокинув стойку. Я толкнул дверь плечом и распахнул её перед его спиной.

— На воздух, — сказал Фёдор.

Шестаков вылетел на ступеньку и едва не упал. В дверном проёме он развернулся, готовый снова кинуться внутрь. В это время из соседнего магазина вышли двое покупателей с большими пакетами и остановились посмотреть, что происходит. Уличный шум притих. Шестаков вытер кровь с разбитой губы.

— Сыч тебе всё вспомнит, Ершов!

— Передайте ему, что у меня хорошая память, — ответил Фёдор. — И пусть оплачивает витрину. Без скидки за знакомство.

Грачёв протиснулся к выходу. Вера не стала его удерживать; вместо этого запомнила номер фургона и выкрикнула вслед сумму за сломанную ограду. Водитель покосился на Шестакова, потом на Фёдора.

— Я предупреждал, что так выйдет, — пробормотал он и поспешил к машине.

Они уехали, оставив за собой треснувшее стекло, рассыпанные ложки и обиду, которой хватило бы на всю улицу. Фёдор вернулся к прилавку. Он был спокоен, но глаза у него сделались холодными.

— За такое я обычно выставляю счёт, — сказал он.

— Запиши на Сыча, — предложил я. — Он любит коллекционировать чужое.

— Уже записал мысленно. А тебе рекомендую перестать приводить ко мне поклонников с разрушительными привычками.

— Привёл их ты, — заметила Вера. — Они на твоего покупателя пришли.

— Хорошо, — сказал Фёдор. — Вы оба больше не приходите одновременно. Вдруг это помогает.

Мы собрали упавшие вещи. Я поднял последнюю ложку из-под стойки и заметил золотую пылинку на ткани, где лежала монета Грачёва. Фёдор стряхнул её в мусор и сдвинул остатки стекла подальше от края.

— Почему ты не купил золото? — спросил я тихо.

Он посмотрел на дверь, за которой ещё недавно стоял Шестаков.

— Потому что мне не нужен товар, из-за которого люди исчезают, — ответил он. — История эта старая. Её называли историей Гиблого клада. Кто-то из копателей находил жёлтый кругляш, хвастался, обещал разбогатеть и после пропадал. На одних слухах далеко не уедешь, но этих достаточно, чтобы я держался подальше.

— А царапины по краю?

— Три косых зарубки. Такие же были на той монете. Похоже на птичьи когти. Не знаю, кто их оставил. И проверять не собираюсь.

Я вспомнил Сыча у лесной колеи, мешок, из которого выскочило золото, и пощёчину Грачёву. В первый день мне показалось, что он просто удачно раскопал старую закладку. Теперь за его монетами тянулся след чужих исчезновений. И Сыч продолжал искать.

— Откуда название? — спросил я.

— Из баек. Где-то возле Берёзового бора пропадали копатели. Одни говорили про разбойников. Другие про лесную старуху, у которой украли золото. Нормальный человек такие разговоры проверяет с безопасного расстояния.

— Ты сейчас на кого намекаешь?

— Я надеюсь, что хотя бы на Веру.

Вера прижала к себе пакет с булочками. В этот момент в магазин вошла пожилая покупательница и попросила посмотреть серебряную брошь. Фёдор мгновенно сменил выражение лица. Он пошёл к витрине, словно полчаса назад никто не пытался разбить ему голову и мебель. Я позавидовал его выдержке.

На улице Вера достала из пакета две булочки, одну отдала мне.

— Ну что, богатый копатель? — спросила она.

— Мне бы ещё одни целые плечи к деньгам прилагались.

— Сорок две тысячи ты заработал. Не потрать на лечение того здоровяка.

— С таким характером он сам найдёт себе лечение. Бесплатное и в любой подворотне.

Вера улыбнулась, но быстро посерьёзнела.

— Сыч ведь не отстанет?

— Вряд ли. Он теперь хочет золото и чтобы никто ему не мешал.

— Моё серебро он уже не получит.

— А твою вывеску всё равно придётся восстанавливать. Позвони, когда мастер придёт. Если Сыч опять сунется, сообщишь мне и Важину.

Она посмотрела на свой конверт, потом на меня.

— Пойдём в кафе пообедаешь? Считай, за счёт заведения.

— Я бы с удовольствием. Только хочу успеть в мастерскую. А то Павел решит, что я завёл вторую профессию — ходить в синяках между скупщиками.

Вера уехала к «Повороту» на попутной машине знакомого водителя, который как раз забирал заказ из города. Перед мастерской я заехал домой. Семён увидел конверт, дождался, пока я закрою дверь, и молча протянул ладонь.

— Отдай сюда, — сказал он.

— Что именно?

— Деньги. На тебе опять лица нет, а по городу, судя по куртке, летали чужие кулаки. Так и будешь сорок две тысячи на себе возить?

Я пересчитал купюры и убрал их в ящик комода. Семён захлопнул его с таким удовлетворением, словно сам три дня ползал под сосной.

— Вот теперь езжай, — сказал он. — Может, на работе хоть раз обойдётся без сокровищ.

Я добрался до мастерской ближе к полудню. Павел увидел мою щёку и тяжело вздохнул.

— Ты хоть иногда работаешь руками по назначению?

— Сегодня заработал сорок две тысячи.

— За ремонт?

— За серебро.

— Тогда мои поздравления. А с этим видом не подходи к клиентам. Они подумают, что я тебя за качество работы избиваю.

Я сделал пару простых дел в мастерской, стараясь не нагружать правую кисть. Павел то и дело поглядывал на распухшую кисть, но молчал. Стоило мне поймать его взгляд, он отворачивался. К вечеру телефон напомнил о том, что хорошие новости у меня долго не задерживаются.

Звонила Вера.

— Артём, — сказала она шёпотом, — ты говорил, что возле нашего леса ходят странные люди?

— Там и обычных хватает. Что случилось?

— Я пошла проверить дальнюю ограду. А избушка у сухой берёзы теперь стоит в другом месте.

— Какая избушка?

— Старая, покосившаяся. Её ещё прошлый хозяин участка хотел снести. Вчера она была за поваленным стволом, а теперь ближе к лесу, у просеки. Сосед видел её днём на прежнем месте.

— Может, кто-то перетащил?

— Чем? Она целая, с крышей. И следы там, Артём. Две огромные вмятины в земле. Как будто кто-то поставил туда ноги. Большие. У каждой по три длинных пальца.

Я остановился возле верстака. Слова «три пальца» неприятно совпали с царапинами на золотой монете Грачёва. Совпадение, возможно. Но сегодня я уже видел слишком много совпадений вокруг Сыча.

— Вера, к избушке не подходи. И людей туда не пускай.

— Я и не собиралась! Рыжий пёс туда сунулся, потом с визгом прибежал обратно. Чёрный вообще из вольера выходить отказался.

— Я приеду. Только не сразу. Марину заберу.

— Ведьму свою?

— Она сама так представляться не любит, но да.

— Тогда лучше приезжайте до темноты.

Я посмотрел на небо за окнами мастерской. Свет уже уходил с крыш соседних зданий. До «Поворота» было неблизко, а Марину ещё предстояло найти. На языке вертелись старые байки о Гиблом кладе: золото с когтистыми царапинами, избушка, способная сама уйти от незваных

гостей. И Сыч, у которого в мешке лежало что-то настолько ценное, что он готов был избивать своих же людей.

— Как получится, — ответил я. — Пока запри ворота. До нашего приезда никого не выпускай к лесу.

Вера коротко согласилась и отключилась. Я набрал Марину. Она ответила не сразу.

— Если ты опять нашёл серебро, — сказала она, — поздравляю. Если вместе с ним нашёл проблему, сначала скажи, насколько большую.

— Размером с дом.

— Горин, у тебя бывают нормальные разговоры?

— Были. До знакомства с тобой.

— Адрес.

Я назвал кафе и объяснил про избушку. На другом конце линии наступила пауза.

— К лесу без меня не ходи, — сказала Марина. — И никому не разрешай трогать этот дом.

— Почему?

— Потому что дом, который сам выбирает себе место в лесу, редко бывает пустым, — ответила Марина. — Я сначала посмотрю на его хозяйку. Ты пока держись подальше от курьих следов и не изображай гостя с приглашением.

Марина закончила разговор. Я остался в машине у мастерской, глядя на погасший экран. Вера ждала нас возле леса. По её двору бродила избушка на курьих ногах. Как представляться хозяйке такого жилья, я понятия не имел. Завёл двигатель и поехал за Мариной, надеясь хоть по дороге услышать от неё совет попроще, чем «держись подальше».

Глава 5. Дом на курьих ногах

Марина вышла ко мне с таким лицом, словно я вытащил её из тёплой постели ради очередного разговора с покойником. В руках у неё была куртка, на плече висела маленькая сумка. Она сама распахнула пассажирскую дверь, бросила сумку на сиденье и сразу заметила мою разбитую губу.

— Что на этот раз?

— Витрина. Я оказался рядом, когда один деятель решил её разбить.

— Витрина тебя ударила?

— Её представитель.

Марина села, пристегнулась и посмотрела на часы. До кафе «Поворот» оставалось больше получаса езды. За городской чертой небо уже темнело, над полями растягивался низкий дымчатый туман. Я тронулся с места и объяснил, что Вера видела возле леса.

— Два следа, три пальца на каждом, — повторила Марина. — И дом переместился целиком?

— Со слов хозяйки кафе. Я сам пока ничего не видел.

— Хорошо, что ты хотя бы это уточнил.

— Может, сосед перетащил избушку трактором?

— Может. Тогда у него очень своеобразный трактор.

На выезде из Кобрина она спросила о золотой монете Сыча. Я описал царапины, похожие на след птичьей лапы, и объяснил, почему Фёдор отказался её покупать. Марина слушала молча. Когда я дошёл до истории Гиблого клада, её пальцы легли на край сумки.

— Фёдор сказал, кому принадлежало золото?

— Нет. Он знает страшные байки о людях, которые за ним ходили. Рассказывает их бесплатно. Платить приходится за всё остальное.

— При встрече с хозяйкой леса постарайся обойтись без привычного торга.

— С какой хозяйкой? Мы пока едем смотреть старую развалюху.

— Надеюсь, так и окажется.

До «Поворота» добрались, когда на окнах кафе загорелся свет. Из открытой двери пахло жареной картошкой и дымом. На площадке стояли две легковые машины посетителей, у заправочного крана ворчал двигатель старого фургона. Обычный вечер, если забыть о доме, который, по словам Веры, самостоятельно гулял между деревьями.

Сама Вера ждала нас у ворот. Один её пёс сидел под ногами, второй забился под крыльцо. Рыжий при нашем появлении даже не поднял голову. Вчера он готов был сожрать Шестакова вместе с ремнём. Сегодня у него был вид существа, узнавшего о существовании начальства повыше.

— Видели? — спросила Вера вместо приветствия.

— Пока только собак. Они тебя не узнают, — сказал я.

— Пойдём. Я фонарь взяла.

Марина придержала её за рукав.

— Куда именно переместился дом?

— От сухой берёзы к старой просеке. Метров на сорок. Я дважды проверила. Ограду мы там ставить не успели, проход открыт.

— Значит, войдём до просеки и остановимся. Дальше без моего слова ни шагу.

Вера нахмурилась. Ей не нравилось, когда на её земле командовал кто-то другой. Но кивнула. Взяла фонарь и первой прошла вдоль задней стены кафе, стараясь не шуметь.

Площадка за оградой была знакомая: поваленная сосна, тёмный камень, следы наших раскопок, уже присыпанные сухой землёй. Здесь лежало серебро, за которое я сегодня получил

сорок две тысячи. Теперь деньги остались дома у Семёна, и потому я мог с чистой совестью бояться за собственную шкуру.

У края берёзовой полосы обнаружились вмятины. Землю продавило двумя неровными кругами, от которых тянулись глубокие царапины. В каждой отпечаталось по три длинных пальца. На одном выступала содранная кора; какой-то корень был срезан так ровно, будто его прищемили дверью вагона. Через несколько шагов вмятины повторялись.

— Вот, — прошептала Вера. — Это дом прошёл.

Я посветил вокруг. Следы шли к просеке, а после поворачивали в густую чащу. Там, между берёзовыми стволами, чернела крыша. До неё было всего ничего, но увидеть стены мешали ветви. Дом стоял косо. Из-за ветвей тянуло дымом, хотя вокруг не было ни единого человека.

— Трактор отпадает, — сказал я.

— Ты ещё скажи, что его на руках перенесли, — огрызнулась Вера.

Марина присела у отпечатка, не трогая землю. Проводила взглядом борозду от пальцев и вдруг поднялась.

— Назад, к краю леса.

— Почему? — спросила Вера.

Из чащи донёсся сухой стук. Один раз, второй. Затем кто-то тяжело переступил с ноги на ногу. Крыша качнулась, между деревьями мелькнул угол стены. Я успел заметить окно с резной ставней и длинную голую ногу, покрытую чешуйчатыми наростами. Она согнулась в колене, и избушка осторожно вынесла вторую из-за ствола.

Вера выронила фонарь. Свет лёг на траву, покатился и упёрся в корень.

Сзади, ближе к кафе, кто-то хлопнул дверью. Я обернулся и заметил Вериного повара: он вышел покурить, увидел нас у ограды и замер с незажжённой сигаретой. Я махнул ему, чтобы возвращался внутрь. Он послушался сразу. Впоследствии, если бы меня попросили перечислить самых разумных людей этого вечера, я начал бы с него.

— Матерь божья, — выдохнула Вера.

— Она здесь явно по другим вопросам, — ответил я, хотя язык сделался деревянным.

Избушка шагнула в просвет. Две птичьи ноги держали сруб с покосившимся крыльцом и дымовой трубой. Доски поскрипывали. На крыше торчала сухая ветка, застрявшая в коньке. Дом переступил через поваленный ствол, будто через садовую скамейку. Его дверь качнулась наружу и сама закрылась от толчка.

Марина взяла Веру за руку.

— Отходим. Спокойно.

Я поднял фонарь, не выпуская избушку из виду, и пошёл за ними. Бежать очень хотелось. Но между деревьями теперь двигалось что-то слишком большое, и каждый резкий звук казался приглашением познакомиться поближе.

До края леса мы добрались без приключений. Там Марина остановилась, а Вера вцепилась в столб ограды так крепко, что побелели пальцы.

— Я этот дом двадцать лет знаю, — сказала она. — Он пустой был. Дверь заколочена.

— Значит, у хозяйки были дела, — ответила Марина.

— Хозяйки? Кто вообще в нём живёт?

Мне хотелось услышать ответ. Вместо него со стороны дороги раздался гудок грузовика.

На старой лесной колее показались фары. Машина шла от трассы, раскачиваясь на выбоинах. Она затормозила у поворота к просеке, и я узнал помятый зелёный борт. Именно этот грузовик несколько дней назад чуть не размазал меня по обочине.

— Сыч, — сказал я.

Марина повернулась ко мне.

— Ты уверен?

— Номер видел утром, когда он заезжал к Фёдору. И вмятину на дверце тоже. Такой красоты дважды не бывает.

Вера отступила в тень ограды.

— Опять эти сволочи. Они к моему кафе едут?

— Судя по дороге, хотят через лес. Спрячься за стеной. И никого из посетителей сюда не выпускай.

— А вы?

— Мы посмотрим, зачем они приехали.

Вера пошла к кафе быстро, не споря. Вечером она уже защищала найденный клад от людей Сыча. Нынешний противник был выше любого забора. Я решил не требовать от неё повторения подвига.

Грузовик остановился у начала просеки. Из кабины вышел худой водитель в клетчатой рубахе, тот самый, который уронил мешок с золотом на дороге. За ним спрыгнул Сыч. Они спорили; слова до нас долетали обрывками.

— …говорил, не сюда! — прохрипел водитель.

— Сюда, Грачёв. Быстро! — отрезал Сыч. — Я сам видел место.

— Там деревья лежат поперёк дороги. Мы не проедем.

— Значит, оттащишь.

Из кузова выпрыгнул третий человек, невысокий, в рабочем жилете. Он остался у заднего колеса, явно желая держаться подальше от леса. Сыч направился к просеке с ручным фонарём. Я пригнулся за буреломом, Марина присела рядом. У неё в глазах появилась знакомая сосредоточенность, которую я видел перед боевыми чарами. Мне сразу стало спокойнее, но ненадолго.

В глубине чащи заскрипели доски. Сыч остановился и поднял фонарь. Свет выхватил резную ставню, серую стену, два огромных сустава. Дом вышел прямо на дорогу. Его ноги раздвинулись, перекрыв просеку между берёзами.

Грачёв выругался так искренне, что я почти проникся к нему уважением. Третий человек схватился за борт.

— Что за дрянь? — спросил он.

Сыч попятился. В руке у него блеснула маленькая золотая вещь. Он быстро спрятал её за пазуху, но я заметил зубцы, когда свет прошёл по металлу. То ли расчёска, то ли гребень. После слов Фёдора о трёх царапинах мне хотелось рассмотреть находку поближе. Мешал живой дом, стоявший посреди дороги.

Дверь избушки распахнулась. На пороге появилась старуха. Сухая, высокая для своих лет, с острым подбородком и тёмными глазами. Седые волосы были затянуты под платок; на плечах висела старая шубейка. Она держалась за косяк одной рукой и глядела на людей так, словно выбирала, кого первым отправить в печь.

— Ну что, подворные крысы, — произнесла она. Голос был низкий, железный. — Нашли дорогу обратно?

Грачёв прижался к кабине. Сыч попробовал улыбнуться.

— Бабушка, мы тут по делу. Лес проездной, никого не трогаем.

— А я и вижу. Голыми руками землю мою разгребали, золото из-под корней тащили. Теперь с пустыми ладонями явились. Шустрые какие.

— Мы ничего не брали, — сказал Сыч.

Старуха перевела взгляд на его куртку.

— Тогда покажи, что за пазухой блестит.

Сыч резко повернулся к грузовику.

— Поехали! — рявкнул он.

Грачёв дёрнулся к дверце. Сыч бежал следом. Старуха ударила кулаком по косяку.

— Стоять, жадоба!

Корни у дороги вздулись, будто под землёй зашевелились толстые змеи. Сухая берёза рядом с грузовиком наклонилась, её ветви ударили по крыше кабины. Машину качнуло. Избушка шагнула вперёд; одна когтистая нога врезалась в колею перед передними колёсами, оставив широкую яму.

Я инстинктивно сжал кулак с перстнем. Тут же разжал. Перстень мог помочь при прямом магическом ударе в меня. Берёза весом в добрую тонну наверняка предпочла бы обходиться без формальностей.

Грачёв успел забраться в кабину, но захлопнуть дверцу не смог. Её зажало перекосившимся стволом. Третий работник бросился к дороге и побежал в сторону трассы. Сыч выскочил из-под ветвей, споткнулся о корень и покатился по песку. Поднявшись, он кинулся вслед за помощником.

— Сыч! — крикнул Грачёв. — Помоги! Я застрял!

Тот даже головы не повернул.

Над просекой затрещало дерево. Сосна, стоявшая на склоне у поворота, медленно повалилась к дороге. Её нижняя часть скрывалась в тёмной траве. С вершины сыпались сухие сучья. Грачёв пытался выбраться из кабины через распахнутое окно, но нога застряла между сиденьем и дверью.

Марина схватила меня за локоть.

— Артём, сосна пойдёт на кабину!

— Вижу.

— Не лезь!

Я уже перескакивал через бурелом. Дурацкое желание иногда успевает сработать до здравого смысла. Особенно когда кто-то орёт так, будто его собираются расплющить у тебя на глазах.

Грачёв высунулся по пояс.

— Помоги, мужик!

— Руку давай!

Я вскарабкался на подножку, ухватил его за ворот левой рукой. Правая кисть от напряжения резко заболела, пальцы дрогнули. Я попробовал вывернуть его ногу, но помятая дверца держала ботинок крепче любого капкана. Над головой затрещала сосна.

— Сапог снимай! — заорал я.

Грачёв упёрся в сиденье и рванулся. Нога освободилась, ботинок остался внизу. Мы оба свалились с подножки, прокатились по песку и ударились плечами о кочку. В следующий миг верхушка сосны врезалась в крышу кабины. Металл взвыл, стекло посыпалось на дорогу.

Мне прилетело по спине сухой веткой. Я пригнул голову и потянул Грачёва дальше. Он хромал на одной ноге, прижимая к груди окровавленную ладонь. Через несколько шагов нас накрыло коротким тёмным кругом из пепельной пыли: Марина провела ладонью по воздуху, и летящие щепки ударились о заслон, осыпавшись у наших ног. Она поморщилась и едва удержала равновесие.

— Бегом к ограде! — крикнула она.

Грачёв споткнулся на ровном месте, хотя из леса нас уже гнали ветви, которые шевелились сами. Я подставил Грачёву плечо. Он всхлипнул от боли, наступил мне на ботинок и едва не сбил обоих. Марина отступала последней. Пепельный заслон над нами поредел, словно его разорвал ветер. Мы вывалились на светлую полосу возле ограды, где хозяйка леса уже не доставала нас корнями. Грачёв сел прямо в пыль и тихо заплакал. Я впервые за весь вечер не нашёл ни одной подходящей шутки.

Мы добежали до границы леса. За последними берёзами земля оставалась неподвижной. Сыч и третий работник уже пересекли открытый участок у дороги. В темноте мелькали их спины. Один раз Сыч оглянулся, увидел нас и прибавил шагу.

Я собирался сказать Грачёву всё, что думаю о его начальнике, когда избушка подняла ногу. Когтистые пальцы ударили в пустую кабину. Грузовик дёрнулся боком, колёса пробуксовали в песке, а помятая крыша с громким хрустом осела ещё ниже. Старуха наблюдала с порога, будто ей мешала старая телега перед собственным домом.

— Вот теперь не торопится, — сказала она.

Грачёв сел прямо на землю. По лицу у него текла кровь из ссадины на виске. На носке оставшегося ботинка торчала сорванная шнуровка. Вид у него был настолько несчастный, что ругаться расхотелось.

— Зачем вы сюда приехали? — спросил я.

Он посмотрел на разбитый грузовик.

— Сыч сказал, надо кое-что забрать. Я думал, мешок у старой колеи. Он всё про камень бормотал и про гребень. Я такое впервые вижу, клянусь.

— Про какой камень?

— Не знаю. Слышал только, как он со Шестаковым спорил. На меня не смотрите. Я вожу, куда велят.

— И тебя вот так бросают, когда велят? — спросила Марина.

Грачёв опустил голову.

За оградой появилась Вера с толстой аптечной сумкой. Рядом с ней стоял повар из кафе и держал фонарь. От людей до нас донёсся тревожный гул: посетители услышали грохот и вышли на крыльцо. Вера махнула им рукой, приказав возвращаться в зал, а потом при виде Грачёва остановилась.

— Этот тоже из Сычовых?

— Водитель. Начальник бросил его под деревом, — сказал я.

— Значит, повезло, что ты полез. Сам бы не вылез.

Она перевязала ему ладонь, велела повару принести воды и отвела пострадавшего к скамье возле ограды. При этом успела велеть никому не подходить к дороге. Меня в очередной раз поразило, как быстро Вера возвращалась к хозяйским обязанностям. Несколько минут назад она видела живой дом; теперь командовала живыми людьми так же уверенно, как кухонными работниками.

— Горин, — позвала Марина. — Иди сюда.

Она стояла у последней берёзы, бледная после заслона. За её спиной избушка медленно развернулась, скрипя стенами. Старуха сошла с крыльца, ступила на влажную землю и остановилась перед границей просеки. Ростом она оказалась ниже, чем мне показалось с порога, но смотреть ей в глаза почему-то стало тяжелее.

— Ты, с кольцом, — сказала она. — Зачем чужого крысёныша тащил?

— Под деревом оставлять было жалко. Он ещё живой.

— Живые, — протянула старуха. — Сами друг другу яму роют, потом из неё вытаскивают. Развлечение, значит.

— У нас выбор небольшой. Зато гостиницы есть.

Марина больно наступила мне на ногу. Я замолчал. Старуха улыбнулась уголком беззубого рта.

— Язык у тебя длинный. Сокровища мои ищешь?

— Сегодня своё серебро нашли, продали и закончили. За вашим золотом не ходил.

— Зато видел того, кто ходил. Вон, в сторону дороги удрал. Сорокой золото тащит, вороном прячется. Сычом зовут, слыхала.

Яга назвала Сыча по прозвищу. После того как её избушка согнула грузовику борт, выяснять, кто ей донёс это имя, показалось мне вредной привычкой.

— Он украл у вас гребень? — спросил я.

Старуха прищурилась.

— Видал гребешок? Воровской карман заметил? Значит, глазастый. Пускай вернёт. И мешочек мой вернёт. И сундук. Всё, что из леса вынесли.

— Он у него? Сундук?

— В руках не видела. Там, где прятали, ищет. Нашёл бы — уже продавал бы на всех углах. Суетливый он.

Она посмотрела на поломанный грузовик и довольно хмыкнула. Я запомнил её слова. Сыч нашёл мелочь. Главное золото пока оставалось где-то здесь, среди берёз и камней. И больше всех на свете этой женщине хотелось, чтобы оно вернулось.

— Я его не трогал, — сказал я. — И людей ваших не знаю. Если Сыч опять придёт к кафе, Вера будет защищаться. Поймите её правильно.

— Хозяйка своего порога, — ответила старуха. — Пусть держит дверь крепко. Ко мне с топором и воровской лапой сунутся — уберу с дороги.

Она повернулась к Марине.

— А ты, ведьма, свою силу береги. На моём пороге плести нечего.

— Силу я трачу там, где под деревом живого человека ломает, — сказала Марина. — На ваш дом не претендую.

Яга посмотрела на неё дольше, чем на меня, затем коротко кивнула. Никакой дружбы между ними не возникло. Мне этого вполне хватало.

— Держитесь подальше от моей казны, — сказала старуха уже мне. — Копателю трудно мимо золота пройти, я знаю. Сыч гребень вернёт. Сундук я сама заберу, когда найду. Иначе всем жадным будет тесно.

— Он уже в лесу? — спросил я.

— Рот закрывай, пока язык тебе дороги не показал.

Она резко развернулась. Избушка присела на согнутых ногах, будто подставляла крыльцо. Старуха поднялась внутрь без всякой спешки. Дверь захлопнулась. Дом осторожно переступил через сломанный сосновый ствол и ушёл в темноту, покачивая крышей. Две его ноги оставили на дороге свежие глубокие следы.

Некоторое время мы с Мариной стояли молча. Потом я оглянулся на кафе. За освещёнными окнами люди снова ели, разговаривали, спорили о счёте. Вере удалось вернуть хоть какое-то подобие обычного вечера. Завтра Павел наверняка спросит, почему от меня несёт хвоей, а куртка похожа на добычу бензопилы.

Грачёв сидел на скамье, прижимая к груди забинтованную руку. Машина его начальника осталась среди поваленных деревьев. Он посмотрел на меня и спросил:

— Это кто был?

— Хозяйка земли, — ответил я. — С арендной платой у неё строго.

— Я больше к Сычу не сяду.

— Сегодня он тебя даже не позовёт. У него грузовик на ремонте. Причём серьёзном.

Вера вышла проводить нас до ворот. Она ещё дрожала, но лицо снова стало упрямым.

— Что мне делать, если дом придёт к кафе?

Марина посмотрела на лес.

— Держи людей подальше от просеки. Если увидишь машину Сыча, звони нам. Сама за ней не ходи.

— А избушка?

— Похоже, у неё другие счёты. Пока не трогай её землю и не пытайся влезть в дом.

Вера кивнула. Затем обняла меня одной рукой, стараясь не задеть ушибленное плечо.

— Ты сегодня опять полез под чужую беду.

— Работа такая.

— Ты вообще-то копатель.

— Я и копал. Из кабины человека выкапывал. Без лопаты, правда. Плохой день для профессии.

Она тихо рассмеялась, хотя глаза оставались тревожными. Мы с Мариной сели в машину. На обратной дороге она долго молчала. В свете фар по обочинам мелькали берёзовые стволы, но теперь каждый казался подозрительно живым.

— Значит, Баба-яга, — сказал я наконец.

— Значит, — ответила Марина.

— Сыч разорил её старый тайник. Гребень у него. А большой сундук где-то в лесу.

— Судя по её словам, да. Она его ещё ищет. И Сыч ищет.

— Хорошо, что я сейчас всего лишь заработал свои сорок две тысячи.

— Ты их заработал. И они уже у тебя дома. Помни об этом, когда решишь сунуться к следующему чужому кладу.

— Как будто я собираюсь.

Марина выразительно посмотрела на меня.

Марина отвернулась к тёмному окну. За поворотом остался лес, в котором ходила на курьих ногах избушка; дальше вдоль трассы тянулись обычные фонари и мокрый асфальт. Сыч уехал от Яги живым и злым, всё ещё с её драгоценностями. Я крепче взялся за руль. И при следующей встрече лесная хозяйка вполне могла спросить с меня за украденные у неё сокровища.

Глава 6. Плохое имя у хороших денег

Семён положил на стол мою куртку и посмотрел на неё так, словно собирался выставить её за дверь вслед за хозяином.

— Сколько леса принёс?

— Пару веток. Остальное осталось на грузовике Сыча.

Домовой двумя пальцами поднял обрывок коры, застрявший в воротнике. Потом извлёк сосновую иголку из кармана. На лице у него появилось выражение хозяина гостиницы, которому постоялец привёз в чемодане медведя.

— Вечером человек уехал продавать серебро. Ночью вернулся пахнуть деревом. У тебя деньги хоть сохранились?

— Сорок две тысячи в верхнем ящике. Ты сам туда убрал.

— Я ещё ночью заглянул. Деньги лежат спокойно. С тебя бы пример брали.

Семён решил заняться моим воспитанием. Я пошёл в спальню за чистой рубашкой, открыл дверь и оказался на кухне. Домовой стоял с мокрой тряпкой. Я захлопнул дверь и распахнул ещё раз. За ней по-прежнему пахло сыростью и кухонным чаем. Семён невозмутимо протёр подоконник.

— У тебя, кажется, квартира сломалась.

— Она устала от грязных гостей. У нас теперь короткий путь к тазу с водой.

Я сунулся в соседнюю дверь и вместо прихожей увидел кладовку с грязными сапогами. Семён сложил руки на груди: капитуляции не требовал, просто ждал. Пришлось вымыть пол. Коридор вернулся на место, зато к Павлу я опоздал на полчаса. Начальник молча показал на клиента, который уже успел трижды узнать стоимость ремонта и дважды передумать. Семён добился чистоты; мне достался человек, решивший, что все автомеханики сговорились против его кошелька.

За окном начинался пятый день моей новой охоты за кладами. После прогулки возле живой избушки я спал часа три. На плече темнел синяк, горячий чай обжигал разбитую губу, кисть не хотела удерживать кружку. У Семёна было достаточно причин для недовольства. Я вышел к машине, пока домовой не придумал второй способ удержать меня дома. Кто-то в этом городе должен был заниматься автомобилями, которые ломались без участия сказочных старух.

Возле мастерской стоял знакомый фургон с вмятиной на боку. Павел встречал меня у ворот. Увидев моё лицо, он перестал курить и прищурился.

— Какой раз за неделю ты приходишь в таком виде?

— Считай, что у меня новая система скидок. Каждая ссадина уменьшает стоимость разговора.

— Меня больше интересует, сможешь ли ты сегодня работать.

— Смогу. Только без тяжестей и цирковых номеров.

— Последние у тебя обычно начинаются после смены.

Из бокса вышел клиент с телефоном, словно нёс на ладони свежую улику. На экране деревья валились перед грузовиком, мелькала куриная нога размером с дверной проём. Мужчина ткнул пальцем в фигуру, которая убегала от ствола.

— Это вы?

— На мне тогда была куртка целее, — сказал я.

Он поглядел на вмятину собственного автомобиля и неожиданно спросил, выбрался ли водитель грузовика. Я ответил, что остался цел. Клиент убрал телефон: ремонт машины оказался ему всё-таки важнее вечерней страшилки. А вот женщина на красной малолитражке,

увидев ролик, отказалась оставлять ключи. Она объявила, что не доверяет людям, за которыми ходят деревья.

Павел проводил её до ворот, вернулся и долго смотрел на меня поверх очков.

— Ты мне за неё клиента найдёшь? С нормальными документами, без рогов и корней?

— Могу попробовать. Только сомневаюсь, что рога сейчас печатают в техпаспорте.

— Не вздумай шутить при следующем заказчике.

До обеда я успел закончить работу над фургоном и ещё одной машиной. Правую ладонь приходилось беречь: после речных приключений кисть не простила ни одной лишней попытки показать удаль. Павел сам отдал клиенту ключи, а мне положил на верстак счёт за расходные материалы. Сумма была скромной, зато выражение его лица обещало продолжение разговора вечером.

— Знаешь, что самое противное? — спросил он. — Твой лес рекламируют бесплатно, а мою мастерскую после этого обходят стороной.

— Неправильная целевая аудитория.

— Ещё слово — и отправлю тебя чинить стулья. Они хотя бы не убегают от механика.

В дверях как раз появился Важин с кофе. На испачканную куртку он посмотрел, на Павла кивнул и сказал, что пришёл забрать меня на пять минут. Павел разрешил десять, но потребовал вернуть без очередной истории для интернета.

— Тогда покажи это делом. И лицо приведи в порядок.

В дверях появился Важин. Он шёл чуть боком, берёг больную ногу и нёс бумажный стакан с кофе. На Павла посмотрел без обычной улыбки.

— Можно твоего главного нарушителя спокойствия на пять минут?

— Забирай на все десять, если вернёшь целым.

— За целостность я давно не поручаюсь.

Мы вышли на открытую площадку. Григорий присел на край низкого бордюра и вытянул больную ногу. За время после речного разлива она стала лучше слушаться, но длинные прогулки он ещё обходил стороной. Кофе он принёс один; судя по его лицу, не рассчитывал на мою благодарность.

— Слыхал про Сыча? — спросил он.

— Видел. Вчера он показывал выдающиеся способности к бегу от работодателя, который сам себе дом построил.

— Грачёв жив?

— С ладонью плохо. Вера перевязала. Сыч бросил его под сосной.

— Человек, который удирал от моего сотрудника без ботинка, нашёлся, — сказал Важин. — Утром явился в агентство со свидетелем и потребовал оплатить чистку носка. Сотрудник предложил ему вернуть собственную обувь. Кончилось тем, что гражданин признал долг и рассказал, почему бежал: на карьере ему обещали быстрые деньги за перевозку чужого добра.

— Сыч?

— Он имени не слышал. Зато видел тёмный седан и здоровяка с перевязанной рукой. В следующий раз мой клиент, пожалуй, побежит ко мне добровольно. Сказал, что ещё раз работать возле того обрыва не станет.

Я хотел рассмеяться, но Григорий положил на верстак снимок, который сотрудник сделал на обычной дороге: чужой фургон стоял поперёк старого выезда. Ни координат, ни схем — одна вполне настоящая машина с людьми рядом.

— Эти парни уже ломают подъезд к участку, — сказал Важин. — И мой клиент знает водителя. Если Кира решит закрыть въезд, сегодня у неё будет человек, который подтвердит, кто туда заезжал. Только не втягивай агентство в очередную драку. У меня сотрудников меньше, чем у тебя ушибов.

Павел выглянул из бокса: клиент ждал меня у подъёмника. Я сказал Важину, что сначала закончу оплачиваемую работу. Он кивнул. На этот раз я хотя бы пытался выполнить обещание.

— Вот и хорошо. Поживу до вечера в этой уверенности.

Я вернулся к работе. Две машины дождались своей очереди, одну Павел забрал себе. К двум часам мне удалось забыть и про карьер, и про Ягу. Ровно до того момента, пока на площадку не въехал старый серебристый универсал.

За рулём сидела женщина лет тридцати пяти с собранными в хвост тёмными волосами. Она вышла, оглядела ворота мастерской и уверенно направилась ко мне. На плече висела потёртая сумка; другой рукой она держала папку из плотного картона.

— Артём Горин?

— Зависит от того, кто спрашивает. Машины чиню здесь. Долги возвращаю по предварительной договорённости.

— Кира Трофимова. Мне нужна ваша помощь с участком.

— Землю я не ремонтирую.

— Я слышала. Вы её копаете.

Павел, проходивший мимо, остановился так резко, будто кто-то объявил в мастерской пожарную тревогу.

— Нет, — сказал он. — Даже не начинайте. Я его сегодня уже один раз спас от разговора про лес.

Кира перевела на него взгляд.

— Мне нужно десять минут. Потом он вернётся к работе.

— Все так говорят, — проворчал Павел и ушёл в бокс.

Я предложил Кире пройти к деревянной скамье у боковой стены. Там не было клиентов, зато хорошо просматривались ворота. Она села, положила папку на колени и долго не решалась открыть сумку.

— Вам про меня Вера рассказала? — спросил я.

— Да. Я позвонила ей ещё вчера днём. Она сказала, что вы нашли её серебро и честно отдали деньги. А сегодня утром мне прислали ролик с грузовиком. Я два часа пыталась решить, стоит ли приезжать.

— И что убедило?

— Вера сказала, вы вытащили человека из-под дерева. И ещё она сказала, что деньги после продажи получили без скандала. Первый довод хороший. Второй для меня важнее.

Мне понравилось, что Кира не пыталась изображать безусловное доверие. После истории у кафе любые красивые слова казались подозрительными.

— Рассказывайте про землю.

— У меня участок у старого песчаного карьера, — сказала она. — Несколько лет там никого не было. Дорога заросла, откосы осыпаются. На прошлой неделе кто-то снёс цепь у въезда и стал ездить к верхней площадке. Вчера моя соседка увидела там людей, которые рыли землю.

У меня неприятно кольнуло в груди.

— Один из них плотный, коротко стриженный, по фамилии Шестаков?

— Не знаю фамилий. Мужчина в тёмной куртке и двое молодых. Рядом стоял небольшой грузовик.

— Продолжайте.

Кира открыла сумку и выложила на скамью ржавый металлический кусок. Он был похож на половину старой жестяной коробки, когда-то разрезанной или разломанной поперёк. Один край загнулся наружу, другой сохранил остаток выцветшей синей краски. На внутренней стороне виднелась тонкая царапина — две кривые буквы, которые можно было принять за инициалы.

— Это принадлежало деду. Он хранил железку в ящике с вещами. Когда я была маленькой, всегда отнимал её, если брала поиграть. Говорил: «Вторая половина ещё ждёт своего часа». Тогда мне казалось, он шутит.

Я взял металл левой рукой, повертел на свету и вернул. Края были старые, покрытые ровной ржавчиной. Обычный предмет, без всякого отклика перстня. Даже если бы кто-то умудрился заколдовать жестянку, моё кольцо не обязано было сообщать об этом.

— А что за вторая половина?

— Не знаю. Дед работал возле карьера, когда песок ещё вывозили. В молодости он собирал монеты и цепочки. После одной неприятной истории сказал отцу, что часть коллекции спрятал до лучших времён. Потом заболел и умер. Отец искал, ничего не нашёл. А перед смертью отдал мне этот кусок и попросил не продавать землю, пока я не разберусь.

— Когда он умер?

— Отец — прошлой осенью. Дед давно. Мне уже достаточно лет, чтобы перестать охотиться за сказками. И достаточно долгов по участку, чтобы попробовать ещё раз.

Кира показала старый снимок деда. На снимке потемнели лица четырёх человек; за ними остались песок и обрыв. В таком месте за годы меняется всё: деревья, дорога, даже направление склона. Я отодвинул фотографию и попросил рассказать о том, чего снимок сохранить не мог.

— Когда ваш дед возвращался оттуда, где у него были руки? Грязь была сухой? На ботинках оставалась глина или песок?

Кира удивилась. Потом взяла половину жестянки и стала вертеть её в ладонях.

— На коленях всегда рыжие пятна. Он смеялся, что песок пачкает меньше, чем дорога к нему. И страшно злился, когда грузовики проезжали над одной площадкой. Даже в выходные ходил проверять, цела ли она.

— Почему?

— Я думала, боялся обвала. Когда я там бегала, под ногами иногда звенело. Дед тут же хватал меня за руку. Сейчас вспоминаю — он смотрел вниз, словно ждал, что что-нибудь провалится.

Кирины слова помогли куда больше старого снимка. Отпечаток давнего железа мог пережить годы в сухой глине. А вот место, где оно звенело, нам предстояло найти ногами и глазами.

— Снимок оставьте себе, — сказал я. — В карьер поедем за настоящими следами. И сначала посмотрим, что успели испортить люди Сыча.

Кира спрятала фотографию без спора. Заказ перестал казаться простым: она искала дедовы вещи, а Сыч уже решил, что копать здесь будем только с его разрешения.

— А вы его соблюдаете?

— С переменным успехом. Потому и говорю заранее. Мне нужна хозяйка, которая сможет показать старую дорогу. Вторая пострадавшая от собственной находки ни к чему.

Кира впервые внимательно посмотрела на моё плечо. Я отвёл правую руку за спину: Кира наверняка стала бы спорить со мной из-за предстоящей поездки.

— Вы их знаете?

— Сыча и его помощников. Говорю без удовольствия.

Кира нахмурилась. Она открыла рот, но передумала задавать следующий вопрос. Вместо этого убрала железку обратно в сумку.

— Тогда тем более надо ехать. Сколько вы берёте?

— Если клад ваш, вы сохраняете его до продажи. Я ищу, извлекаю и помогаю с оценкой. Тридцать процентов от реально полученной выручки после продажи — мои. Пока находка не продана, никто никому рубли из воздуха не рисует.

— Тридцать? — Кира оценивающе посмотрела на мои руки. — А за травмы отдельный счёт выставляете?

— Пока нет. Если начну, разорю собственную клиентуру.

— Если в земле ничего нет?

— Тогда ничего не заработаю. Только потрачу время, бензин и хороший повод остаться дома.

Она задумалась, проводя большим пальцем по краю папки.

— Согласна. При одном условии: если найдём семейную вещь, я сначала решу, продавать её или оставить себе.

— Ваше право. За неё никто платить мне не обязан, пока вы её не продали. Обычные монеты сможем оценить отдельно.

— И вы не станете копать без меня.

— Без разрешения хозяйки в чужой земле мне делать нечего.

Мы пожали друг другу руки. Моя правая ладонь ответила неприятной болью. Кира заметила, но комментировать не стала. Уже поднимаясь, она добавила:

— Завтра с утра. Я заеду сюда, потом поедем вместе. У карьера две дороги, покажу обе.

— Завтра. Только не предупреждайте соседей, куда отправляетесь. Людям Сыча лишняя информация ни к чему.

— У меня соседка полжизни за чужими воротами следит. Её даже предупреждать не нужно.

Павел появился на пороге, держа в руках связку ключей.

— Вы договорились?

— По работе, — ответил я.

— Очень на это надеюсь. Мне ещё нужен хотя бы один целый механик до выходных.

Кира улыбнулась. Впервые за разговор. Улыбка вышла короткой, но лицо у неё сразу стало моложе.

Она пошла к универсалу. Я собирался вернуться в бокс, когда заметил у въезда тёмный седан. Он двигался медленно, без указателя поворота. На пассажирском сиденье сидел человек в кепке. Тот повернул голову в нашу сторону и почти сразу отвернулся.

Машина проехала мимо. Через минуту она показалась на противоположной стороне дороги.

Я задержался возле открытых ворот, делая вид, что разглядываю рекламную табличку соседнего шиномонтажа. В боковом стекле седана мелькнул знакомый широкий подбородок. Шестаков сидел ниже обычного, натянув кепку на глаза. После драки у кафе его, похоже, решили использовать для работы, требующей тонкости и терпения. Человек, который умел ломать чужие заборы, теперь осваивал искусство незаметно ездить по одной улице.

Незаметно получалось плохо. Один и тот же седан уже третий раз проезжал мимо Киры с её ржавой жестянкой. У Сыча были люди и привычка брать чужое. Я понимал, что обещанная помощь превращается в очередную драку.

Кира тоже заметила её.

— Они кого-то ждут?

— Возможно, меня. Или вас.

— Не нравится мне это, — сказала она.

— Мне тоже. Садитесь пока обратно. Из ворот не выезжайте.

Я позвонил Важину. Он ответил почти сразу, как будто всё это время держал телефон в руке.

— Твой прогноз на спокойный вечер уже можно выбрасывать? — спросил он.

— У мастерской круги нарезает тёмный седан. Я сегодня познакомился с хозяйкой карьера. Похоже, нас уже приметили.

— Сыч не любит ждать, пока другие найдут золото. Я неподалёку. Через пару минут буду.

Я вернулся к Кире. Она стояла у водительской двери, сжимая сумку с железкой. По её лицу было видно, что настроение меняется с каждой секундой.

— Ваша машина остаётся здесь, пока не выясним, кто там ездит. Если хотите отказаться, сейчас самый удачный момент.

— Тогда он заберёт всё, что дед прятал. Я слишком долго откладывала. Не откажусь.

— Ваше дело. Только за рулём сегодня действуйте осторожно.

Седан снова показался со стороны перекрёстка и остановился возле автобусной остановки. Из него никто не вышел. Меня раздражало это спокойное ожидание. Люди Сыча уже поняли, что открытая драка привлекает слишком много глаз. Теперь они надеялись, что я сам проложу им дорогу к тайнику.

Важин подъехал на своей машине. Остановился у ворот, вышел, опираясь на здоровую ногу, и посмотрел на седан. Потом позвонил кому-то из своего агентства.

— Не надо за ними бегать, — сказал я.

— И не собирался. У меня нога больная, а настроение вполне здоровое.

Он убрал телефон и направился к остановке. Я успел сделать всего несколько шагов, когда тёмная машина сорвалась с места. Важин отскочил к бордюру, захромал сильнее. Седан ушёл на поворот, едва не зацепив выезжавшую из переулка легковушку. Раздался сердитый гудок.

— Ты цел? — спросил я, догнав Григория.

— Цел. Поверил, что я хочу поговорить. Боится разговора сильнее твоих кулаков.

— Что ты им сказал?

— Пока ничего. И хорошо. Я собирался спросить, где у них совесть. Теперь ясно: там же, где техосмотр этого корыта.

Мы вернулись к Кире. Она стояла у открытой двери универсала и держала ключи так крепко, что побелели пальцы. Важин представился и предложил проводить её до большого перекрёстка. Она отказалась.

— Я знаю город. Завтра мне ваша помощь понадобится у карьера. Сегодня доеду домой сама.

— Завтра я с ногой в песок не полезу, — предупредил Григорий.

— Тогда останетесь на дороге. Хорошо, что у вас голова работает.

Важин посмотрел на меня с неподдельным уважением.

— Артём, она мне нравится. С ней хоть понятно, за что отчитывают.

Кира уехала первой. Я дождался, пока серебристый универсал свернёт в сторону центра. Важин задержался у бокса ещё на минуту, затем сел в свою машину и уехал. Нога у него явно устала, но он старательно делал вид, будто просто разминается после сидения.

Когда смена закончилась, Павел сказал, что сегодня у него почти не было жалоб на мою работу. Для него это считалось торжественной речью. Я отработал смену до конца и договорился, что завтра меня в мастерской не будет. Павел предложил на этот раз вернуться хотя бы с тем количеством конечностей, с которым уехал.

Дома меня встретил запах жареного лука. Семён утверждал, что едой меня можно удержать от некоторых дуростей, но к вечеру заметно разочаровался в своей теории.

— Карьер? — переспросил он, едва я успел снять ботинки. — А прежняя лесная хозяйка уже получила своё?

— Пока нет. Сыч убежал вместе с гребнем. Я к нему сегодня даже не приближался.

— Значит, второе золото решил найти раньше первого. Очень деловой подход. На кладбище его оценят.

— Там обычные монеты. Семейные. Их никто из нежити не сторожит.

— Запиши эту фразу, — потребовал Семён. — На холодильнике повесим. Когда опять придёшь весь в песке, хоть вспомним, с чего начиналось.

Он выслушал историю до конца, открыл шкафчик и торжественно показал мне целую чистую куртку.

— Завтра в этой поедешь. Старую в лесу оставь. Может, избушка её пожуёт и успокоится.

— Там другая земля. Яга к карьеру отношения не имеет.

— Вот и прекрасно. Две опасные истории за неделю — это уже перебор. Третью мне на порог не неси.

Поужинал и рано лёг. Сон не шёл. Перед глазами стояли ржавый край жестянки, склон карьера и тёмный седан у остановки. Кира обещала дождаться утра, но я хорошо помнил, как она смотрела на карьер после разговора с Сычом.

Телефон коротко завибрировал. На экране была фотография моей машины у мастерской. Снимали с другой стороны улицы. Под фотографией значилось всего два слова: «Копай глубже».

Я посмотрел во двор: у подъезда никого. Семён запер дверь, а я проверил, не оставил ли ключи в куртке. Снимок сделали там, где утром проходят мои клиенты. Завтра Павел откроет ворота, даже не подозревая, кто может ждать снаружи.

Глава 7. Песчаная ловушка

На серебристом универсале Киры лежала полоса жёлтой пыли. Вчера вечером машина была чистой. Сегодня кто-то провёл грязной ладонью по заднему стеклу и оставил косую черту.

— Соседские дети? — спросил я.

Кира захлопнула водительскую дверь.

— У моей соседки дети уже давно работают, а внуки приезжают по праздникам. И никто из них не рисует на чужих машинах после шести утра.

Мы стояли у мастерской. Павел только открыл ворота, ещё не успел обозвать мою куртку непригодной для приличного заведения. Я оставил свою машину на площадке, подальше от проезда. В карьер решили ехать вместе: Кира знала обе дороги, а мне хотелось видеть, куда она сворачивает. После вчерашнего седана я не собирался устраивать для Сыча экскурсию из двух автомобилей.

Павел выглянул из бокса, увидел сумку с лопатой и закрыл глаза.

— Горин. Ты взял выходной, чтобы таскать землю?

— Чтобы не таскать её в мастерскую.

— С возвращением договорились. В целости. Я помню каждое слово.

— Тебе бы бухгалтером работать.

— У бухгалтеров люди не пропадают в ямах. По крайней мере, по рабочим вопросам.

Кира уже завела двигатель. Я сел рядом, поставил между ног старую сумку и ещё раз поглядел в зеркало. За нами никто не выезжал. Вчерашнюю фотографию моей машины я сохранил, отвечать на сообщение не стал. Сыч мог следить за нами из любого переулка. Искать его по всем переулкам Кобрина я не собирался.

Город остался позади. Сначала шли огороды, потом длинные склады, затем дорога протянулась между пустыми полями. Кира почти не разговаривала. Держала руль обеими руками и иногда оглядывалась на зеркало. Я не спрашивал, страшно ли ей. Вчера она сама отказалась отступать, и сегодня ехала к своему участку с человеком, у которого даже губа ещё не успела зажить.

— Дед называл это место Сухой ямой, — сказала она, когда впереди показалась бледная полоса песка. — Я в детстве думала, там вообще воды нет. А после дождя мы однажды едва сапоги не оставили.

— Сапоги вернули?

— Дед вытащил. Меня тоже. Потом неделю рассказывал всем, как я чуть не утопилась в луже. У него был талант делать человека знаменитым без его согласия.

Дорога раздваивалась. Левая уходила к заросшему проезду и старым воротам, правая огибала карьер по верхнему краю. Кира остановилась возле покосившегося столба. От прежней цепи остался ржавый конец, другой валялся в колее. Здесь недавно проезжали: сухая земля была раздавлена широкими шинами, ветви у обочины переломаны.

— Это мой въезд, — сказала Кира. — За столбом начинается участок. Дальше земля до старой линии кустарника.

— Покажете, где проходила прежняя дорога?

— На фотографии она вроде выше. Дед говорил, часть края потом забрали под песок.

Из универсала я вышел боком: после вчерашней драки плечо не позволяло свободно развернуться. Лопату взял левой рукой. Правой придерживал ремень рюкзака — пальцы сжимались плохо. Кира заметила эту осторожность и нахмурилась.

— Может, мне самой копать?

— До клада ещё добраться надо. Лопатой дорогу не выбирают.

— Смотря кого встретишь.

Мы оставили универсал у ворот, на ровной площадке. Кира забрала ключи и сунула их в наружный карман куртки. Я заметил это краем глаза, потому что утром она уже дважды их теряла в собственной сумке. Впереди виднелись слежавшиеся песчаные борта и низкая ложбина, заросшая травой. Где-то по другую сторону карьера каркала ворона. Ветер шевелил тонкие стебли, и пустая выработка казалась забытой даже теми, кто когда-то её выкопал.

Первую яму мы увидели через несколько минут. Она чернела возле открытого конца старой трубы, лежавшей поперёк склона. Рядом валялись два сломанных черенка и пустая банка из-под напитка. Свежие следы сапог тянулись от дороги к раскопу и обратно. Сыч начал раньше нас.

— Тут они копали вчера, — сказала Кира. — Соседка говорила, мужчины таскали землю в вёдрах.

Я присел на край и заглянул в тёмный проход трубы. На дне стояла грязная вода, изнутри пахло сыростью. Землю вокруг разобрали грубо, крупными кусками. В трубе виднелись только сор и сухие ветки.

— Зачем здесь искать монеты? — спросила Кира.

— Потому что труба похожа на готовый тайник. Людям, которые приехали без хозяина участка, удобно верить в простые ответы.

— Моему деду в молодости приходилось работать с этой трубой?

— Если он хотел прятать семейные ценности, выбрал бы место посуше. И такое, к которому можно вернуться без свидетелей.

Кира обошла яму и нашла под кустом перевёрнутое ведро. На ручке осталась полоска свежей красной краски. Она поднесла его ко мне, но я покачал головой.

— Оставьте. Пусть Сыч сам забирает своё хозяйство.

— Если успеет.

Она опрокинула ведро обратно носком сапога. Кира стиснула ручку ведра так, что побелели пальцы. После знакомства с Верой я уже знал цену чужой лопаты на своей земле. Кира была вежливее, но вежливость у неё уже держалась на последней нитке.

У второго раскопа песок сыпался из-под нависшего края, хотя никто к нему не прикасался. Следы лопат кончались в грязи. Сыч рыл у основания трубы, где проще подогнать грузовик, и оставил после себя несколько пустых ям. Кира стиснула кулаки.

— Дед не разрешал здесь играть. Он говорил, что нельзя доверять земле, которая меняется после каждого дождя.

— Тут он был прав, — ответил я. — К такой стенке лучше спиной не поворачиваться.

Мы поднялись на сухую старую дорогу. Песок под подошвами сменился твёрдой рыжей глиной, в которой сохранились две узкие продавленные полосы. Я провёл по одной пальцем, почувствовал затвердевшее ребро и вспомнил Кирин рассказ о железном звоне. Кто-то оставлял здесь тяжёлую вещь; следы шли не к нижней трубе, а поперёк прежнего разворота.

— Дед сажал меня на ограду, — сказала Кира. — А когда грузовик подъезжал слишком близко, начинал ругаться. Водители смеялись. Один раз он чуть не вытащил человека из кабины.

— Если там была обычная ограда, почему такая злость?

Она опустилась рядом с полосой глины и убрала сухую траву. Под ней обнаружился чёрный след старого металла, въевшийся в землю. Кира провела пальцем вдоль полосы, едва касаясь глины.

— Вот где звенело, — сказала она. — Под этим самым краем.

Мы не стали копать. Сыч уже разрыл нижний вход, а над верхней дорогой трещала сухая ветка. Я попросил Киру отойти от края и вдруг увидел кусочек старой синей краски на камне. Значит, здесь когда-то действительно стояла часть ограды. Я наклонился, собираясь рассмотреть её ближе.

От старого подхода остался осыпающийся обрыв. Сыч добился своего: обычный путь к сухой полке был потерян. Кира смотрела на свежую дыру, тяжело дыша. Потом подняла с земли уцелевшую половину таблички и отбросила её к дороге.

— Он сюда больше не заедет без моего ведома. Закрою проезд сегодня же.

— А клад?

— Клад никуда не бегает. А этот человек уже чуть нас не убил. Сначала я решу, кому здесь вообще разрешено ездить.

Я почувствовал, что привычный порядок изменился: дальнейший поиск теперь зависел от решения хозяйки, и она собиралась защищать участок, даже если это стоило нам находки.

Я убрал несколько сухих листьев и увидел кусочек выцветшей синей краски на выступе камня. Она могла остаться от чего угодно. Я уже потянулся за половиной жестянки из Кириной сумки, но услышал за спиной металлический звон.

Кира обернулась первой.

По верхней дороге ехала пустая ручная тележка. Её толкнули с дальней площадки. За тележкой на мгновение показался человек в тёмной куртке; он отступил за кусты, словно надеялся, что нас интересует исключительно местный транспорт. Металлические колёса громко били по камням. Тележка шла по неровному краю прямо к тому месту, где мы стояли.

— В сторону! — крикнул я.

Кира рванулась к тропе, но подошва скользнула по сухому песку. Я схватил её за рукав левой рукой и толкнул к камням. Тележка ударилась о выступ, подпрыгнула и перевернулась. Один её край срезал верх рыхлого откоса. Под нами загудела осыпь.

Кира упала на колено. Я успел оттолкнуть её дальше от края, но собственная нога ушла в разрыхлённый песок. Под сапогом что-то сорвалось вниз. На меня посыпались камни величиной с кулак. Я прикрыл голову локтем, потянулся правой рукой за низкий куст и едва не взвыл: пальцы свело болью. Куст выдрался вместе с корнями.

Кира оказалась ниже меня, на узком откосе. Ноги у неё вязли, руки судорожно цеплялись за камни. Сверху шла новая порция песка. Если бы она осталась там ещё минуту, её бы накрыло по пояс, а потом прижало к краю.

— Смотрите на меня! — крикнул я. — Левую руку!

Она повернула голову. Глаза были огромными, на щеке тянулась грязная полоса. Я лёг на живот за плоским камнем, насколько мог отодвинулся от осыпи и протянул ей здоровую руку. Кира не доставала. Пришлось сползти ниже, пока под грудью не захрустел песок. В плечо ударила острая боль.

— Я сама! — крикнула она и, вместо того чтобы ждать, упёрлась сапогом в камень.

Песок снова поехал. На секунду она исчезла за облаком пыли, потом пальцы вцепились в моё запястье. Я потянул её, задыхаясь от песка. Правая кисть беспомощно дрожала у самого лица, ей нельзя было доверить даже собственный вес. Я напряг ноги, упёрся коленом и вытащил Киру на твёрдую полосу за камнями.

Мы перекатились в траву. Тележка с грохотом покатилась по склону, зацепила обломок трубы и исчезла внизу. Через несколько секунд донёсся тяжёлый удар. По карьеру расползлась пыльная завеса.

Кира сидела, обнимая колени. Я поднялся на локте. Пальцы правой руки сводило мелкой дрожью. Ссадина на щеке снова открылась. Я вытер кровь рукавом и оглянулся к дороге.

Там стоял Шестаков. Рядом с ним маячили двое молодых. Один держал телефон, второй опирался на длинную палку. Шестаков посмотрел вниз, убедился, что мы живы, и усмехнулся.

— Предупреждали же: склон опасный! — крикнул он.

— Тележку за вами записать? — ответил я.

— Она сама поехала. Тут всякое бывает.

Кира поднялась первой. В её лице что-то изменилось. Утром она была хозяйкой, которая пришла проверить собственность. Сейчас смотрела на людей наверху так, будто собиралась лично объяснить каждому разницу между землёй и человеческим лицом.

— Убирайтесь с моего участка! — крикнула она.

— А вы докажите, что он ваш, — отозвался молодой с телефоном.

Кира вытащила из сумки папку. Я успел перехватить её движение.

— Не надо им ничего показывать. Они сюда за другим приехали.

— Я знаю, зачем! — ответила она. — И теперь знаю, кто бросил тележку.

Шестаков шагнул к спуску, но остановился, увидев, что я взял лопату. Я держал её поперёк, левой рукой. Драться на краю откоса при такой кисти было бы чистым идиотизмом. Шестаков, судя по лицу, предпочёл оставить эту почётную должность мне.

— Сыч предлагает мирно разойтись, — сообщил он. — Ты отдаёшь карту, хозяйка забывает про старый металл, мы уезжаем.

— Какую карту?

— Не придуривайся. За тобой следят со вчерашнего дня. У тебя от этой бабы железка и старая фотография. Значит, есть и место.

— Есть место, где тебе лечат зубы? — спросил я. — Тут недалеко должна быть хорошая клиника. Если найдём, запишу вне очереди.

Шестаков перестал улыбаться. Из-за его плеча донёсся голос одного из молодых:

— Олег сказал машину забрать, если начнут выступать.

Выругавшись себе под нос, я вспомнил серебристый универсал у въезда. До него от нас оставалось несколько сотен шагов, зато люди Шестакова могли добраться по верхней дороге быстрее.

— Кира, к воротам, — сказал я тихо.

Она поняла сразу и пошла первой. Я держался сбоку, оставляя между нами и обрывом полосу твёрдой земли. Шестаков спустился на несколько шагов, потом передумал и махнул своим. Они побежали вдоль старой дороги к нашему автомобилю.

Мы ускорились. В груди тяжело било сердце. Кира на ходу пыталась достать телефон, но пальцы у неё всё ещё дрожали. Я велел убрать его, пока не выронила на бегу. За поворотом показался знакомый столб с оборванной цепью. Рядом стоял универсал.

И человек возле его водительской двери.

Это был Сыч. Невысокий, широкий в плечах, в тёмной куртке, которую я уже видел у обочины. Он стоял спокойно. На губах у него играла такая довольная улыбка, словно весь карьер вместе с людьми и откосами принадлежал ему.

— Артём, — сказал он. — Слышал, вы тут неплохо погуляли.

— Твоя тележка хуже экскурсовода. Обязательно напиши ей благодарность.

Сыч посмотрел на измазанную песком Киру. Улыбка исчезла.

— Ваша земля, значит? Тогда объясните своему копателю, что я давно здесь работаю.

— Здесь никто без моего разрешения работать не будет, — сказала Кира. — Уходите.

— Заберите свою бумажку и покажите кому-нибудь, кто от неё в восторге. Мне нужна жестянка.

Он шагнул к ней. Я встал между ними. Правое плечо дёрнуло болью, но я сумел удержаться. Сыч не стал замахиваться. Он лишь кивнул Шестакову, показавшемуся за нашими спинами.

Двое молодых разошлись в стороны. Один держал ту самую палку. Второй спрятал телефон и подобрал с дороги камень. У ворот вдруг стало тесно. Никаких прохожих, никакого движения. Из карьера тянуло горячим песком.

— Отдай половину банки, — сказал Сыч. — И больше сюда не приезжайте. Целее будете.

Кира сжала ремень сумки.

— Её мой дед оставил. Вашего имени там нет.

— Упрямая. Я таких уважаю, пока они мне не мешают.

Я шагнул ближе, чтобы оттеснить её к пассажирской стороне. Один из молодых поднял палку, показывая, что пройти не позволит. Сыч посмотрел на мою правую руку.

— Плохо после речки восстановился? А ведь ещё за золотом собрался.

— Ты тоже после леса выглядишь бодро. Грузовик нашёл нового хозяина?

Его лицо заметно потемнело. Несколько мгновений он молчал, потом тихо произнёс:

— Долго ты на чужой удаче не проживёшь.

Сыч попытался схватить Кирину сумку. Она отступила и ударила его коленом по бедру. Не слишком сильно, зато неожиданно. Шестаков кинулся ко мне. Я встретил его лопатой, выставив черенок поперёк груди. Он врезался в дерево, качнулся, но второй парень успел ударить меня палкой по плечу. Боль прошила до шеи. Я отступил к переднему крылу, едва удержавшись на ногах.

Кира выскользнула из-под руки Сыча и метнулась к двери универсала. Он догнал её, ухватил за воротник и рванул назад. Ключи выпали из наружного кармана куртки и звякнули об утоптанную землю. Она попыталась наступить на связку, но Сыч ударил носком ботинка и отбросил ключи Шестакову.

— Хватит, — сказал я, поднимая лопату. — Отпусти её.

Шестаков уже держал ключи. Сыч рывком оттолкнул Киру к траве. Она упала на ладони. Я бросился к ней, выронив лопату, и это стало единственным движением, которого он ждал. Молодой с палкой преградил дорогу, а Шестаков вскочил за руль. Двигатель ожил. Универсал рванул с места так резко, что щебень ударил по моим ботинкам.

Сыч остался у ворот, пока машина разворачивалась. Потом взял у второго парня телефон, бросил мне короткий взгляд и направился к стоявшему за поворотом тёмному седану.

— Прогуляйтесь, — сказал он. — Полезно после ваших раскопок. А если найдёшь монеты, позвони. Заеду.

Седан тронулся вслед за универсалом. Через минуту оба автомобиля скрылись за пыльным поворотом. Молодые уехали с ним. Шестаков повёз украденную машину. Мне хотелось догнать всех сразу, что выглядело особенно разумно при дрожащей кисти и расколотом плече.

Кира разжала дрожащие пальцы и позвонила человеку, присматривавшему за соседними участками. Велела закрыть нижний спуск: после сорвавшейся тележки туда мог свалиться кто угодно. За ограждение и пропущенный проезд она заплатит сама. Сыч уехал на её машине, а она уже занималась землёй, которую он чуть не превратил в могилу.

— Это ведь ваши расходы, — сказал я, когда она убрала телефон.

— Да. А если кого-нибудь накроет песком, он мне обойдётся дороже.

Я собирался возразить, что мы сами едва не оказались там, но промолчал. До этого момента Кира казалась очередным заказчиком, желающим получить семейные деньги. Теперь у нас появилась общая проблема: как добраться до старой дороги, не отдавая Сычу на растерзание остальную часть карьера.

Кира сидела на обочине. На ладонях у неё выступили мелкие капли крови, колено распухало под порванной тканью брюк. Я опустился рядом и подал флягу. Она выпила два глотка, потом зло вытерла рот.

— Сама виновата. Я выронила ключи, — процедила Кира.

— Сыч их выбил, — возразил я. Кира не стала спорить. Она смотрела на пустую дорогу, по которой увезли её автомобиль, и уже думала, как перекрыть нижний въезд. Завтра приедет сосед: он видел чужие фургоны ещё до того, как их начали прятать за карьером.

Важин слушал молча. Потом достал телефон и позвонил своему сотруднику. Тот самый должник без ботинка теперь соглашался встретиться с Кирой на дороге и показать водителя,

с которым разговаривал. Сначала он потребовал компенсацию за испуг. Григорий предложил списать ему испуг в зачёт разумного поведения, и вопрос неожиданно закрылся.

— У тебя самые воспитанные клиенты в городе, — сказал я.

— Они быстро учатся, когда начинают понимать, кто у них настоящий кредитор, — ответил оборотень.

Кира распорядилась закрыть нижний въезд. За оградой тянулись свежие следы шин. Важин пообещал предупредить её, если фургон снова попытается пройти по старой дороге; Сыч уже искал иной подход.

Пока Кира говорила с соседом, я услышал, как Важин снова спорит с сотрудником. На этот раз из-за несчастного свидетеля с новыми ботинками. За своё присутствие мужчина требовал денег и справку, подтверждающую, что он ещё жив. Григорий предложил ему вместо справки посмотреть на дорогу, с которой он сегодня смог уйти собственными ногами. Свидетель умолк, но вскоре снова перезвонил и сообщил, что узнал старый фургон Сыча.

— За работу ему положено платить, — сказала Кира, когда услышала разговор. — Только платить стану я, если мне действительно пригодятся его слова. И без ваших коллекторских шуток.

Кира договорилась с соседом о воротах и предупредила насчёт чужих грузовиков. Я убрал лопату с дороги; Важин молча наблюдал за разговором. Сосед кивнул и направился к въезду, а Кира впервые за день позволила себе выдохнуть.

Свидетель Важина отказался дальше помогать Сычу. Григорий заверил, что не отправит его навстречу вооружённым людям, и оставил Кире свой номер для срочного звонка.

Мы вернулись к машине. Кира взяла меня за локоть и попросила больше не ходить под разрушающуюся стенку. Пришлось согласиться. Клад оставался под землёй. Кира щёлкнула замком калитки, пока мы с Важиным договаривались, кому звонить при появлении чужих машин.

Глава 8. Встреча

Серебристый универсал Киры вынырнул из-за поворота с такой неторопливостью, будто Шестаков возвращался с дачи и собирался спросить, не подвезти ли хозяев. Только фары светили нам прямо в лица, а за лобовым стеклом сидели двое. Второго я узнал по длинной палке, которую он держал между коленями.

— Машина моя, — тихо сказала Кира.

— Значит, домой поедешь за рулём. Лишь бы нам оставили ключи.

Универсал остановился поперёк узкой дороги. Слева тянулась канава, справа начиналось поле, за которым темнел сухой склон карьера. До поворота оставалось шагов сорок. Я невольно оглянулся. Позади было пусто, впереди сидели люди, которые недавно пытались похоронить нас под песком.

Шестаков высунулся в окно.

— Олег поговорить хочет. Без глупостей, Горин.

— Тогда пусть приезжает без тебя. Так вероятность глупостей заметно снизится.

Он не улыбнулся. Вечерний свет подчёркивал засохшую кровь у его виска: в карьере ему тоже досталось.

— Сумку сюда. И то, что вы там нарыли.

Кира прижала к себе ремень сумки. Внутри лежала ржавая половинка жестянки, копия старого снимка и её личные вещи. Добычи там не было. Даже первой монеты мы сегодня не нашли.

— Ты же слышал, — сказала она. — Здесь моя земля. Отдай ключи и убирайся.

— Ключи теперь у меня. Поговорим после обыска.

Парень с палкой распахнул пассажирскую дверь. Я отвёл Киру на шаг в сторону и поставил лопату остриём на землю. Вес её уже привычно оттягивал левую руку. Правая кисть плохо держала тяжесть. Если парень бросится на Киру, встречать его придётся левой.

У парня были грязные ладони, красная полоска на подбородке и уверенность человека, которому давно никто не говорил «нет». Он спрыгнул на дорогу, оглядел нас и хлопнул палкой по открытому локтю. Боль прострелила до пальцев.

— Пакет где? — спросил он.

— В магазине, — ответил я. — Хлеб закончился, пришлось оставить.

Он занёс палку. Кира резко шагнула вперёд и плеснула ему из фляги прямо в глаза. Парень от неожиданности захлебнулся руганью. Я ударил черенком по его запястью. Палка упала в канаву, но он успел вцепиться мне в рукав. Дёрнул так, что старый шов куртки треснул под мышкой.

Шестаков выскочил из машины. Я уже собирался встретить его лопатой, когда из кармана джинсов раздался короткий сигнал телефона. На экране мелькнуло имя Важина. Связь появилась ровно в тот момент, когда разговаривать стало совершенно некогда.

Я успел провести пальцем по экрану.

— Гриша, старая дорога… — сказал я.

Парень с мокрым лицом толкнул меня в грудь. Телефон едва не вылетел, я прижал его локтем.

— Я вижу вас, — рявкнул Важин из динамика. — Уйдите с проезжей части!

На дальнем перекрёстке, за спинами противников, вспыхнули два жёлтых огня. Тёмная машина Важина тяжело свернула на нашу дорогу. Я увидел знакомую покосившуюся наклейку на заднем стекле. Её он никак не мог оторвать уже месяц, хотя сосед по парковке обещал бесплатно помочь топором.

Шестаков тоже заметил приближающиеся фары. Мгновение колебался, потом прыгнул за руль универсала и попытался развернуться. Узкая дорога не позволяла. Переднее колесо съехало в мягкую обочину, автомобиль дёрнулся и остановился наискосок.

— Кира, назад! — крикнул я.

Мы отступили за дорожный столб. Важин подъехал со стороны перекрёстка и остановился впереди, оставив между машинами несколько шагов. Дверца его автомобиля распахнулась. Он выбрался, заметно припадая на больную ногу, и смотрел на людей Шестакова взглядом человека, которому давно просрочили долг.

— Кто тут арендует чужую машину без согласия владельца? — спросил он.

— Твоё агентство теперь и по выходным работает? — огрызнулся Шестаков, высунув голову.

— Для таких клиентов круглосуточно. Особенно когда клиент сам привёз предмет спора.

Важин не пошёл к универсалу. Прижался к своей открытой двери, давая нам пройти к нему, и показал подбородком на свободный край дороги. Его нога подгибалась, когда он переносил на неё вес. После речной истории оборотню приходилось рассчитывать каждый лишний шаг, и сам он злился на это сильнее, чем все знакомые враги вместе взятые.

Кира неожиданно схватила меня за локоть.

— Он оставил двери открытыми, — прошептала она. — У меня в багажнике документы на участок. И дедовы снимки. Я их туда утром переложила.

Я оглянулся. Шестаков, вывернув руль, пытался выбраться с рыхлой обочины. Его пассажир бросился к двери Важина с палкой, которую успел поднять из канавы. Он перекрыл мне дорогу к водительской двери.

— Сначала к Грише, — сказал я.

Кира качнула головой. Упрямство на её лице напомнило Веру у разгромленной вывески. Две разные женщины, один и тот же талант превращать чужую наглость в личную войну.

— Если он увезёт машину второй раз, завтра они доберутся до снимков. И до моего дома.

Она права. Но от правильного ответа плечо у меня болело ничуть не меньше.

Сзади коротко взвыл мотор. На дороге появился тёмный седан Сыча. Значит, угон был всего лишь первой частью представления. Сыч вылез, захлопнул дверь и оглядел наши машины с недовольством хозяина, которому испортили хорошо оплаченный спектакль. За ним показался ещё один молодой, тот самый, что снимал всё на телефон у ворот.

— А вот и поддержка, — произнёс Сыч. — Горин, у тебя талант собирать знакомых в самых неподходящих местах.

Важин посмотрел на него через крышу машины.

— Здравствуйте, Олег. У вас опять чужое имущество? Серьёзная болезнь. Лечится возвратом.

Сыч не удостоил его ответом. Показал Шестакову два пальца, велел пассажиру выйти из универсала и подошёл ко мне.

— Мне нужна карта. Старый въезд, сухой уступ, дедов тайник. Ты уже разобрался, где копать.

— Карьер у тебя целый. Копай где нравится. Разрешения не выдам.

— Где карта? Я спрашиваю.

— В голове. Места мало, зато чужим не сдаю.

Его взгляд опустился на мой расползшийся рукав. Он заметил, как я придерживаю правую руку возле груди, и улыбнулся без веселья.

— Значит, будешь говорить левой стороной лица.

Сыч кивнул молодому с телефоном. Тот убрал аппарат и двинулся к Кире. Шестаков вылез из универсала и подошёл к багажнику, явно не желая снова драться с Важиным. Парень с палкой, обойдя по траве, пытался подобраться к нему со спины.

На секунду все замерли. Даже ветер стих, и я отчётливо услышал, как в поле трещит сухая трава.

Кира резко разжала ремень сумки. Она метнула её Сычу под ноги. Он машинально нагнулся. Внутри тяжело стукнула железная половинка. Пока Сыч поднимал сумку, Кира, хромая, бросилась вдоль канавы к задней двери универсала. Я шагнул за ней и тут же получил удар кулаком под рёбра.

Воздух вышибло. Я согнулся, лопата звякнула о камень. Сыч схватил меня за ворот и потянул к седану. Под подошвами скользил щебень. Второй удар пришёлся в уже повреждённое плечо. Перед глазами вспыхнули белые пятна. Я ударил его левой рукой в живот, но он только крепче сжал ткань.

— Куртку, — сказал он Шестакову. — Раз у него всё в голове, посмотрим, что в карманах.

Шестаков нехотя подошёл. Похоже, после обвала в карьере он оценивал приказы начальника по собственной шкале бессмысленности. Но возражать не стал. Вместе они рванули с меня куртку. Рукав застрял на больной руке, я выругался и едва удержался от крика. По шву с треском разошлась ткань. Телефон остался в кармане джинсов; это было единственное, что мне сейчас удалось сохранить без борьбы.

— В карманах ничего, — сообщил Шестаков, быстро обшарив подкладку.

Сыч вырвал у него куртку. Пальцами прощупал швы, поднял к свету изорванный рукав, сунул руку во внутренний карман. Достал старую квитанцию из автомойки и мятый фантик.

— Полезный улов, — сказал я, пытаясь выпрямиться. — Квитанция настоящая. Можешь продать Фёдору как древнюю грамоту.

Сыч ударил меня в скулу. Я упал на одно колено. На языке появился знакомый металлический вкус. От удара перед глазами поплыл край дороги.

Где-то рядом загрохотало железо. Обернувшись, я увидел, как парень с палкой замахнулся на Важина у его машины. Гриша успел коротко отступить, перехватил деревяшку здоровой рукой и потянул противника на себя. Одного движения хватило, чтобы тот ударился грудью о дверцу. Но Важин наступил на повреждённую ногу и сразу побледнел. Он выпустил палку, опёрся на крышу и выдохнул сквозь зубы.

Сыч тоже это видел.

— Уберите хромого, — бросил он.

Молодой с телефоном направился к Важину. Я попытался встать, но Шестаков пнул лопату прочь и удержал меня за плечо. Ещё один рывок, и я бы, пожалуй, решил заняться тихой торговлей запчастями в соседнем городе. Там хотя бы покупатели редко бьют тебя собственной курткой.

Кира исчезла из виду. Я услышал короткий хлопок двери универсала, затем звон ключей. Шестаков обернулся слишком поздно.

— Олег! Она в машине!

Универсал дёрнулся. Кира сидела за рулём. Шестаков оставил ключи в замке, когда бросился помогать Сычу. Теперь мотор снова работал. Он кинулся к двери, но та распахнулась ему навстречу. Он получил ребром двери по бедру и отскочил с воплем. Кира вывернула машину от обочины, остановилась всего на миг, чтобы не наехать на Важина, и снова тронулась — прямо к свободному месту за его автомобилем.

Оставшийся молодой кинулся за ней, протянул руку к багажнику и сорвал только номерную рамку. Она с хрустом осталась у него в пальцах. Универсал ушёл к перекрёстку и остановился подальше от драки. Кира вышла, захлопнула дверь и крикнула:

— Горин! Григорий! Сюда!

Сыч держал мою куртку как пойманную за хвост крысу. Он посмотрел на убегающую добычу, потом на Шестакова.

— Ты за что деньги получаешь?

— Ты сказал забрать ключи. Я забрал! — рявкнул тот. — Потом сам велел выйти!

Впервые за весь вечер его злость обратилась к начальнику. Мне стало немного легче, хотя скулу жгло.

Кира могла уехать. Дорога к городу была открыта. Она осталась у своей машины и ждала нас. Важин поднял голову, увидел её и толкнул нападавшего плечом. Тот отшатнулся, но Гриша не погнался за ним: нога держала плохо. Он дотянулся до дверцы, вынул из салона небольшой фонарь и направил яркий луч прямо в глаза молодому. Тот прикрыл лицо ладонями.

— Артём, хватит валяться! — крикнул Важин. — Нам домой надо. У меня работа утром!

— Вечно ты всё портишь, — прохрипел я и поднялся.

Сыч перехватил меня за ворот рубашки. Ему, похоже, действительно нужна была карта. Ради старой жестянки он уже угнал машину и устроил побоище на пустой дороге, но никак не мог поверить, что никто не рисовал стрелку на бумаге специально для его удобства.

— Где сухой край? — спросил он почти в ухо.

— Там, где песок не мокрый.

Он занёс руку. Я успел выставить левый локоть. Кулак скользнул по щеке, удар пришёлся в ухо. На мгновение пропали все звуки, кроме густого гула. Я пошатнулся и схватил Сыча за пояс. Вместе мы рухнули на гравий. Это был плохой способ победить человека, который весил больше меня и прекрасно чувствовал себя в драке. Но упасть на него оказалось всё-таки приятнее, чем дать ещё раз ударить по плечу.

Сыч ударился затылком о твёрдую землю, выругался и на секунду ослабил хватку. Я откатился в сторону, подгрёб лопату левой рукой и поднялся, опираясь на черенок. Лицо было мокрым. На рубашке расползалось тёмное пятно от разбитой губы.

— Хорошо, — сказал Сыч. — Куртка остаётся у меня. И машину я ещё заберу.

— Береги квитанцию. Приеду за ней с претензией.

Он повернулся к седану. Его люди отступили вслед за ним. Шестаков шёл последним, ощупывая ушибленное бедро. У машины Сыч что-то сказал ему сквозь зубы. Тот ответил грубо. Слов я не разобрал, зато увидел, как Шестаков на секунду остановился и посмотрел в нашу сторону. Потом сел на заднее сиденье, захлопнул дверь слишком сильно. Седан сдал назад и рванул к карьерной развилке.

Важин остался возле своей машины. Левой рукой он держался за бок, правой медленно растирал бедро. Я подошёл, прихрамывая уже за компанию.

— Живой? — спросил он.

— Пока меня регулярно об этом спрашивают, чувствую себя человеком, который пользуется повышенным спросом.

— У тебя лицо как после встречи с бетономешалкой.

— А у тебя походка как после танцев на собственной могиле.

Он попытался засмеяться, поморщился и плюнул на пыльную дорогу.

— Мне это всё дорого обходится. Одно агентство кормлю, теперь ещё тебя с лопатой перевозить.

Я поднял сумку Киры. Ремень порвался, но половина жестянки и снимки остались внутри. Сыч осматривал её так торопливо, что не понял, зачем хозяйке участка нужен кусок ржавого железа. Или понял и решил, что настоящая карта всё равно у меня.

Кира дождалась нас возле своего универсала. Она стояла боком к дороге, прикрывая левой ладонью рассечённое запястье. Увидев кровь на моей рубашке, она побледнела.

— Он тебя сильно?

— Достаточно для убедительного отказа от светских мероприятий.

— Я могла уехать и за помощью вернуться.

— Вы вернули машину. И остались. Я видел.

Она кивнула, но лицо не смягчилось.

— Машину он использовал как приманку. Я это поняла уже за рулём. Шестаков нарочно заглушил мотор, чтобы ты бросился за мной.

— Он заглушил его, потому что застрял у обочины, — возразил Важин. — А дальше они быстро сообразили, как воспользоваться ситуацией. Не надо им приписывать лишний ум.

— Неважно, — сказала Кира. — Важно, что они снова могут приехать.

Обычно после подобной драки люди обещают больше никогда не лезть в чужую яму. Нам с Кирой предстояло поступить ровно наоборот, и от этой мысли даже в голове стало чуть теснее.

Мы перенесли лопату и сумку в универсал. Кира проверила задний багажник. Папка с документами и дедовыми фотографиями лежала под старым пледом, куда она убрала её утром. Внутри никто не рылся. На правом крыле обнаружилась длинная царапина, а у задней двери болталась сорванная рамка номера. Кира провела по царапине пальцем и сжала губы.

— Я это запомню, — сказала она.

— Прибереги силы для карьера, — ответил я.

Важин потянулся к телефону. На экране горело несколько пропущенных вызовов.

— У меня сотрудник застрял на встрече с должником, — сказал Важин, глядя на пропущенные вызовы. — Тот третий час рассказывает, как его бросила любимая. Сотрудник ему сочувствует и теперь требует от меня выходной за моральный ущерб. Я хотел бы хотя бы сегодня вернуться в собственное агентство без ещё одного чужого автомобиля на буксире.

— Езжай, — сказала Кира. — Правда. Мы уже сами доберёмся.

— Ни черта. До города поедем вместе. Я впереди, вы за мной. Если опять увижу эту шайку, вы сворачиваете к людям, а я торможу их разговорами. Бегать сегодня не стану.

— Как ты вообще нас нашёл? — спросил я.

— По телефону расслышал «старый въезд», остальное пропало. Я после работы уже был на загородной дороге. Знал, куда ты собрался. А когда сообщение пришло, свернул к карьеру. Мне, между прочим, пришлось бросить собственный ужин. Это будет отдельный счёт.

Он посмотрел на мою правую руку. Пальцы перестали дрожать только потому, что я прижал кисть к животу. Важин ничего не сказал, и за это я был ему благодарен. Иногда молчание оборотня приносило больше пользы, чем вся его богатая коллекция оскорблений.

Кира села за руль, я устроился рядом. Куртку увезли, и прохладный вечерний воздух пролезал через порванную рубашку. Я свернул из сумки старую плотную салфетку и приложил к скуле. Универсал тронулся вслед за машиной Важина. Тёмное поле осталось позади, карьер исчез за холмом. На дороге снова было тихо. Настолько тихо, что я слышал, как Кира проводит большим пальцем по ободранному рулю.

— Я вас подвела, — произнесла она через несколько минут.

— Это я привёл Сыча на ваш участок. Он следил за мной с самого города. А я рассчитывал, что хватит одного дня и хорошей лопаты. Играл на его поле, пока он решал, кого и чем ударить. В результате у вас чуть не отняли машину. Второй раз.

— У меня была возможность отказаться от поисков.

— Была. И остаётся. Домой доедем — можете отказаться. Я не стану вас уговаривать.

Она молчала. Мимо прошла полоса невысоких фонарей у придорожного склада. В их свете на её лице мелькнула полоска крови возле брови. Я отвернулся к окну. Знал, что скажу, если она отступит: будет права.

— Нет, — сказала Кира наконец. — Он завтра приведёт людей и разворотит весь верхний край. После сегодняшнего он уверен, что карта у тебя. Пускай всю ночь ищет её в твоей куртке. А мы поедем с утра.

— Вы слишком хорошо знакомы с семейной историей. Я уже боюсь спросить, кто вас воспитывал.

— Дед. У него было правило: если сосед полез за твоим урожаем, сначала собери свой, потом выясняй отношения.

Кира долго смотрела на тёмный склон за нами. Сегодня Сыч вернул машину только потому, что рядом оказался Важин. Ждать такой удачи снова было бы глупо.

— Нижний въезд закрываю, — сказала она. — И хватит обсуждать, где будем искать завтра. Я сперва хочу убедиться, что по моей дороге не провезут ещё один грузовик.

— А семейная вещь?

— Дед показывал мне место, где под ногами звенело старое железо. Я помню тот звук лучше любого снимка. Клад пока остаётся там. Если Сыч разворотит верхнюю дорогу, искать будет нечего.

Важин слушал через открытое окно. Свидетеля он к вооружённым людям не отправит, зато сам позвонит Кире при появлении знакомого фургона. Она коротко поблагодарила его.

Мы уже подъезжали к перекрёстку. Я попытался представить нормальное утро в мастерской: инструмент, открытый бокс, клиент, который платит за работу. Кира мигнула аварийными огнями и притормозила перед поворотом. Она явно хотела поговорить с Важиным.

Кира вышла из машины. Мы с Важиным остановились следом. Она попросила Важина передать свидетелю благодарность, а затем неожиданно сказала, что дальше будет разговаривать с водителями лично. Если за металлом снова явятся чужие, хозяйка встретит их у ворот.

— Они тебя запугают, — сказал я.

— Попробуют. Но если я каждый раз буду прятаться за вами, Сыч решит, что участок ничей, стоит вам уехать. Мой дед сюда ходил без всякого оружия. Я тоже сумею хотя бы ворота закрыть.

Она вернулась за руль. Мне не понравилось, как спокойно она произнесла последние слова. Кира захлопнула дверцу и запустила мотор. Мы разъехались у перекрёстка. Уже возле города пришло её сообщение: у закрытого въезда снова видели фары. Я остановился у обочины и переслал предупреждение Важину. Тот ответил почти сразу: «Услышал». Сыч не собирался ждать до утра.

Глава 9. Звон без колокола

Мастерская встретила меня утренним запахом масла и недовольным взглядом Павла. Он стоял возле исправного на вид микроавтобуса, показывал водителю на салон и говорил о срочной поездке, которую тот должен был совершить вечером. Закончив, Павел подозвал меня пальцем.

— Хорошая работа на выходные, — сказал он. — Тебе отдельно заплатят двенадцать тысяч. Никаких чудес, обычный заказ. Возьмёшь?

Я успел сказать «да», прежде чем зазвонил телефон. На экране высветилось имя Киры. Ответил сразу: после вчерашнего разговора не верилось, что она звонит ради погоды.

— Здесь чужой грузовик, — сказала она без приветствия. — Водитель уверяет, что приехал по моей просьбе вывозить старый мусор. На верхней дороге уже люди Сыча. Он показал им моё имя, а я впервые этого человека вижу.

Из трубки донеслись мужские крики. Кира требовала отойти от склона. Кто-то ответил, что оплаченная работа будет сделана. Потом связь оборвалась.

Павел видел, как изменилось моё лицо.

— Опять твои клады?

— На этот раз чужую землю ломают при хозяйке. Если не приеду, они успеют испортить место.

— Тогда микроавтобус отдаю другому. Двенадцать тысяч получит он. И в следующий раз даже не спрашивай, почему тебе мало смен.

Деньги мне были нужны. После повреждений машины, пропущенных рабочих дней и бесконечных поездок эта сумма уже успела занять место в голове. Я мог остаться, выполнить работу и честно получить её. Кира была взрослой женщиной, сумела бы позвонить соседям и закрыть ворота. Только люди Сыча не собирались считаться с её словами, а следы вчерашней драки ещё болели у меня под рубашкой.

— Отдавай, — сказал я.

Павел даже не выругался. Молча передал ключи другому механику. Это оказалось неприятнее любых нравоучений: двенадцать тысяч ушли из моих будущих денег без магии и нападения, по собственной глупой воле.

Возле ворот меня уже ждал Важин. Его сотрудник привёз вчерашнего беглеца, того самого человека, который лишился ботинка у карьера. Теперь у гражданина была новая пара, а вид — такой, будто он пожалел о знакомстве с агентством.

— Это водитель с тёмного фургона? — спросил Григорий, показывая на обычную машину, которая проехала мимо нас по дороге.

— Нет. Тот высокий, рыжий, — ответил мужчина. — У него ещё на двери белое пятно. А сегодня видел на верхнем проезде другого. Он говорил, что хозяйка разрешила всё вывезти.

— Никому я не разрешала, — прозвучало из моего телефона: Кира перезвонила и слышала последние слова.

— Значит, едешь в свой карьер, — сказал Важин. — Я с тобой. Сотрудникам агентства там делать нечего. Один уже потерял обувь и уважение к лёгким деньгам.

Человек с новой парой ботинок обиделся: уважение, по его словам, потеряли только в одном носке. Григорий велел ему отправляться домой. Мы поехали вдвоём, но не за кладом. Нужно было остановить людей, которые собирались уничтожить опасную часть участка вместе со всем, что там могло оставаться.

Кира встретила нас у верхнего поля. Её универсал стоял у старой площадки, машина цела. За спиной хозяйки на дороге гудел фургон с белым пятном на двери. Водитель краснел

и уверял, что ему заказали обычную уборку. Оплату обещал мужчина с седаном. Когда Кира потребовала назвать этого мужчину, он стал смотреть на свои ботинки.

— Он сказал, что вы в курсе, — пробормотал водитель. — Я не нанимался спорить с хозяйкой. Мне велели забрать железо.

— С чьей земли? — спросила Кира.

— С вашей, получается.

— И разрешение вам дал кто?

Водитель посмотрел на нас троих, понял, что выбирать придётся прямо сейчас, и отключил двигатель. Сухой ветер гонял пыль по капоту. У старого въезда стояли двое Сычевых парней. Они не делали вид, будто нашли здесь что-то своё: смотрели на нас издали и ждали, чем закончится разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.